Танцовщица для звездного охотника

Автор:
Ясмина Сапфир

Танцовщица для звездного охотника

Ясмина Сапфир

Космосаги однотомники

Наддария – сэлфийка. Странных существ, способных ткать материальные иллюзии, кто-то в шутку назвал в честь сэлфи. Сэлфи исчезло, а название осталось. Дари одинока, как и многие долгожители, и работает танцовщицей в сэлфийском театре. Там Дари знакомится с капитаном охотников на космических пиратов – Эльхаром Лазго и… принцем династии Лим Олл, который пытается изнасиловать танцовщицу. Защищаясь, она убивает насильника и вынуждена бежать от мести его родни. Решение находится быстрее, чем Дари предполагает. Вот только оно снова сулит опасности для жизни… и неприятности.

Ясмина Сапфир

Танцовщица для звездного охотника

Глава 1. Наддария

Мы выстроились у сцены – одна за другой, чуть приподняв правые ноги и поставив их на носочки. Длинная шеренга девушек с перьями в прическах, и в кружевных купальниках, как у древних танцовщиц Мулен Руж.

Мы – сэлфийки. Одинаково беспризорные в новом космическом государстве, одинаково никому не нужные и нужные всем.

Такова участь нашей расы – схоронить близких, пережить всех, кого любили. Увы! Редкая генетическая мутация не передавалась детям, не «выстреливала» через поколение или позже. Когда-то нас назвали сэлфами в шутку, почему-то припоминая фотосессии у зеркала…

Мы отличались от людей чуть заостренными ушами, гладкой кожей, прохладными телами и долгими годами жизни, какие и не снились простым смертным.

Миновали десятки столетий… Все давно забыли – откуда взялось название расы. Да и сами фотографии остались в далеком прошлом. Теперь создавали виртуальные трехмерные изображения, почти не отличимые от оригинала. Они двигались и говорили.

И только мы, «древние» сэлфы еще помнили, как было раньше…

Одинокие, лишенные якоря, многие из нас мотались по Галактике, искали свой путь, место, заработок… Громадная станция-курорт, на пересечении сотен линий космотелепорта стала нам домом. Мы развлекали залетных инопланетников, удивляли туристов своим необычным даром.

Многие возвращались в «сэлфийский театр» снова и снова, чтобы увидеть то, на что не способны даже современные сверхтехнологии.

Нарочито темная и пустая сцена размером с иной зал королевского дворца пахла моющим средством с лимонной отдушкой. Марина – моя белокурая соседка – нервно переминалась с ноги на ногу. Она недавно поступила к нам в труппу, и все еще очень переживала перед каждым выходом на сцену.

Наконец в голове прозвучал только нам одним слышный гонг. Мы вытянулись по струнке и выпорхнули наружу.

Заиграла быстрая ритмичная музыка. Запахло медом и патокой.

И… все изменилось в мгновение ока. Сцена превратилась в цветущую поляну. Издалека, с задней стены зрительного зала, ударил в лицо яркий свет.

Вовремя. Ткать иллюзию, плавать и летать в ней гораздо сложнее под прицелом сотен жадных, липких взглядов.

Мы выстроились в шахматном порядке, создавая иллюзию одновременно с танцем.

Голова взрывалась болью, ноги ныли от перегрузки, суставы ломило. Выдержать три выступления подряд не всякой сэлфийке под силу.

Мы должны были выглядеть легко, грациозно, делать вид, что все это ровным счетом ничего не стоит. Так, забава, демонстрация удивительного дара.

Над сценой полетели жар-птицы. Развевались их золотистые перья с алыми крапинками, вздрагивали высокие хохолки, сверкали ярко-синие глаза. Мы оседлали птиц, поднимая правую ногу в вертикальном полушпагате и сразу же опуская вновь, чтобы похотливая публика на долю секунды увидела запретные плоды. Откинулись назад, ложась на материальные иллюзии спинами, выгибаясь в соблазнительной позе. А на сцене выросли курчавые деревья, потянулись к потолку тонкими ветками, закачались от порывов несуществующего ветра.

Мы взмахнули руками, встали на четвереньки и прогнулись в спине кошками, демонстрируя вторые самые соблазнительные женские округлости. В воздухе закружили громадные бабочки всех цветов радуги, стрекозы почти с человека величиной.

Цветы стремительно распускались один за другим, покрывая пол сплошным пестрым ковром.

И внезапно, жар-птицы ухнули вниз. Мы спрыгнули, приземлились в шпагате, легли вперед, распластались на ногах и… иллюзия исчезла.

Пустая сцена, яркие лучи прожекторов… и все… Даже занавеса не было.

Публика ахнула.

Свист и шумные возгласы полетели из зала.

Музыка стихла совсем, перешла в колокольный звон и… громыхнула снова.

Цветы, деревья, жар-птицы, бабочки, стрекозы – все вернулось в мгновение ока. Мы вскочили легким движением, словно вообще ничего не весили, вновь оседлали жар-птиц и сделали круг почета над сценой. А затем – и над публикой.

Зал взорвался аплодисментами, свистом, воплями, пошлыми репликами.

– Эй, красотка, спускайся, отдохнем вместе! – басил смуглый вартанец в форме капитана галактического патруля, похожий на великана из Земных сказок.

– Девушки, девушки, сколько хотите за свои прелести? – визжал долговязый малкурт, похожий на медведя и человека одновременно.

– Иди сюда! Я тебе тоже кое-что покажу! – тараторил латтарнец, теплокровный ящер, сверкая лысой чешуйчатой головой.

К горлу, как обычно, подкатила тошнота. Мы вернулись за кулисы, и декорации на сцене начали таять. Они растекались цветными лужицами и исчезали, будто испарялись.

Малика бросилась к своему малышу – он все еще мирно посапывал в коляске, усыпленный аурой мамочки.

Белокурый карапуз в желтой распашонке с мишками сладко причмокнул и засопел дальше.

Малика выдохнула и метнулась в раздевалку – наверняка сцеживаться.

Вместо нас у сцены выстроился «адский кордебалет» с рожками и хлыстами в одинаковых алых купальниках. Эти девушки «заполняли эфир», пока мы отдыхали и приходили в себя после огромной потери энергии, растраченной на материальные иллюзии.

На обучение таким трюкам требовались годы, иногда десятилетия и мощнейшая аура. Лишь редкие сэлфийки могли такой похвастаться. Сэлфы с такой энергетической мощью работали в разведке, в галактической полиции, в спецслужбах.

Я, как и остальные девушки, поспешила по глянцево-черному коридору в свою раздевалку. Слава богу, нам выделяли отдельные комнаты – гримерки, раздевалки, а для некоторых – единственное жилье.

Мне повезло. Когда-то я владела недвижимостью на Земле. Ничего особенного – несколько однокомнатных квартир и домик на шести сотках. Пережив родных и близких, я продала имущество и приобрела дом на станции.

Тогда моих средств еще хватало на нормальный, двухэтажный коттедж с двумя ванными и громадной застекленной верандой. Сейчас галактический центр развлечений, куда стекались богатеи всех рас, временно «причаливали» полицейские истребители, корабли спецслужб, здорово разбогател. Сегодня на свои прежние сбережения я едва ли сняла бы тут приличную комнату. Вот почему многие танцовщицы жили в гримерках, довольствуясь несколькими метрами свободы, куцей душевой и окном с видом на громадный искусственный оазис.

Из окон центра хорошо просматривался золотистый пляж, стройные ряды шезлонгов для туристов и бар, где днем и ночью подавали напитки и еду со всех концов галактики. Иногда девушки не спали по нескольку суток подряд – безумные пляжные дискотеки не давали ни на секунду сомкнуть глаз. Тогда другие из нас, те, кто посильнее аурой, делились энергией, подкачивали подруг и коллег по работе.

Материальные иллюзии в последнее время взлетели на пик моды. Трехмерные обои, постеры и картины давно никого не удивляли. Граждане Межгаллактического Союза Пятидесяти планет охладели к тому, чего нельзя коснуться, пощупать.

То ли дело материальные иллюзии! Они не только выглядели объемно, но и на ощупь казались настоящими.

Вот только создать такие могли лишь мы, сэлфы. А еще громадные, мощные установки, но на их питание уходила энергия, способная снабдить удобствами небольшую планету.

Гримерка порадовала лимонной отдушкой, чистотой и аккуратностью. С детства я была ужасной неряхой. Могла раскидать вещи по всем свободным поверхностям, распинать туфли по полу, не заправить постель… Здесь проблема решалась ежедневной уборкой.

Приоткрытый платяной шкаф из синего сверхпрочного пластика был отмыт до блеска. Еще недавно по всей его поверхности красовались следы жирных пальцев – я открывала гардероб после того, как уже накрасилась. Синий трельяж с громадным зеркалом в резной золотистой раме, тоже выглядел девственно чистым. Толстый слой пудры, тонкий – теней, пятна от чая и кофе – исчезли без следа.

Кушетка была заправлена так, что мне стало стыдно за свою кровать в доме у моря. Пол в ванной, душевая, унитаз отмыли до блеска, и ярко-розовая плитка из все того же сверхпрочного пластика теперь выглядела дорогой, респектабельной.

Я плюхнулась в кресло у зеркала и зевнула. Главное не уснуть. Еще одно, последнее ночное представление. Его заказал экипаж полицейского лайнера особого назначения. Насколько я знала, они боролись с космическими пиратами, которые то и дело захватывали грузовые транспортники космотелепорта и похищали ценные грузы. Платили этим спецназовцам втрое больше чем нам, и каждый из них чувствовал себя элитой из элит. Великосветские вельможи с планет, где сохранилась монархия, а так же политики и члены Большого Галактического Совета – все они в подметки этим парням не годились. И осаживать их никто не решился бы. Только спецназовцы охраняли грузы крупных бизнес-корпораций, секретные правительственные лайнеры, помогали делать богатых еще богаче, а бедных еще беднее.

Все, как и всегда.

Естественно, стоило экипажу «заказать» танцовщиц, владелец труппы – латтарнец Цван Оу взял под козырек и без зазрения совести вставил в программу сверхурочное представление.

Девушки пытались спорить, доказывали, что они и так работают на пределе возможностей. Но я-то знала, что все бесполезно и просто надеялась набраться сил за несчастные два часа до последнего выхода.

Сказать по правде, нам обещали двойной гонорар и даже три выходных плюс к прежним двум. Вот только до них нужно было еще дожить и протанцевать следующие три тяжелых дня! Я только и думала, что вот сейчас снова выйду на сцену, до предела напрягу больную голову, создавая иллюзию, и усталое тело, выписывая сложные па.

Представления чередовались. После жар-птиц всегда шли динозавры. Отважные амазонки верхом на птеродактилях и тираннозаврах особенно нравились космическим воякам. Костюм мне уже принесли – он лежал на подушке напоминанием о том, что бравые борцы с пиратами любят женщин в коже.

Я нехотя вылезла из прежней одежды – сняла купальник, вытащила перья из прически. Янтарные волосы волнами рассыпались по плечам. Я накинула халат, взяла расческу и принялась разбирать непокорные пряди.

Беглый взгляд в зеркало настроение не улучшил. Лицо с острыми скулами заметно осунулось после тяжелого трудового дня. Большие, светло-карие глаза с золотыми отблесками смотрели с какой-то глухой безнадежностью. Радовали лишь аккуратные черты и женственная фигура. Благодаря им я никогда не выходила из моды. Сколько бы ни миновало веков, а мужчины по-прежнему «исходили слюной» при виде пышной груди, крутых бедер, тонкой талии и ног «от ушей». Вот почему меня ни разу не отправляли в безвременный отпуск, как некоторых танцовщиц, если в труппе появлялись новенькие. Века два назад Галактика сходила с ума по худышкам с острыми ключицами, с выпирающими костяшками внизу живота и четко очерченными скулами. Затем в моду резко вошли пышки. Мужчины устали щупать кости, и захотели наконец-то обнять что-то мягкое, приятное на ощупь. Спустя еще полстолетья в моду вошли длинноногие. Стало неважным, какая у тебя грудь, какие бедра, вес или рост. Ноги – вот что оценивали зрители.

Я пережила несколько почти полных смен труппы, но продержалась. Сейчас Галактика опять фанатела по подтянутым и спортивным, и я вновь оказалась «на гребне волны».

Мужчины млели от моих круглых ягодиц, плоского живота и великолепной растяжки – одной из лучших в труппе. И фантазировали они о том, как использовать мою гибкость в постели гораздо чаще, чем думали о самом представлении. По крайней мере – судя по выкрикам, запискам в двери гримерки, и непристойным предложениям, с которыми почти ежедневно встречали меня на пороге театра. К самим гримеркам зрителей подпускали очень редко. Записки они передавали через уборщиц, горничных, костюмеров и других почти незаметных тружеников театра. Зато у здания, похожего на столб от земли до неба, меня, как и остальных девушек, обязательно поджидала толпа жаждущих нашего тела фанатов. В основном тех, кто считал, что оголить ноги и на долю секунды показать в шпагате белье – равноценно приглашению к бурной ночи. Хотя изредка среди них попадались и настоящие ценители нашего мастерства, материальных иллюзий и танца. Они вели себя гораздо скромнее, но приятных впечатлений оставляли намного больше.

Я неторопливо начала переодеваться в костюм из мягкой эластичной кожи. Высокие тонкие сапоги красиво обтянули ноги. Мягкий корсет шнуровать не требовалось. Он застегивался сам, на магнитных клепках, но выглядел, как настоящий, и грудь поднимал в точности также. Волосы я закрепила замшевым ободком. Сама себе в этом костюме я почему-то всегда напоминала Бэмби. Уж больно цвет его походил на оттенок оленьей кожи.

Я покрутилась перед зеркалом, выдохнула, собралась и отправилась за кулисы.

Публика уже оккупировала зал. Охотники на пиратов, как их теперь называли, галдели, кричали, требуя хлеба и зрелищ. Вместо первого им принесли универсальную выпивку – очередное чудо новых технологий. Жидкость была нейтральна почти для любых рас, а при необходимости некоторые компоненты ее выветривались. Пьянила она почище вина, и выглядела экзотично – ярко-голубая, словно подсвеченная изнутри. В прозрачных, чистых как слеза, бокалах, она искрилась и бликовала.

Марина поджала пухлые губы, и серо-голубые глаза ее сверкнули гневом.

– Боже! Как же достали эти космические бруталы, мнящие себя богами! – выплюнула она и сжала кулаки.

Хаэлла, жгучая брюнетка – тонкая, как тростинка, и гибкая, как лиана, выругалась по-русски – очень смачно и очень забористо.

Остальные танцовщицы загудели, зашептались – нервы сдавали у всех. Но едва раздался гонг, мы выпорхнули на сцену и… там появились тираннозавры с раптерами. Мы оседлали чудовищ под свист и крики ошалевшей публики, поддернули удила и поскакали по доисторическому лесу. Гигантские хвощи, папоротники, высокая трава, стрекозы, больше человека размером. Мы создавали материальную иллюзию на совесть.

Из зала донесся свист, восторженные вопли пьяных вояк, а мы продолжали представление.

Встали на спины ящеров, подняли левые ноги в вертикальном шпагате и, удерживая их за лодыжки, поддернули удила. Доисторические чудища двинулись, принялись прыгать, меняться местами. Мы стояли на них как вкопанные, и восторженные крики из зала сменялись хамскими комментариями.

Охотники обсудили все – наши бедра, талии, грудь и даже те части тела, которые прикрывало куцее белье. Они разошлись не на шутку, как и многие, кто не считал нас за людей, за женщин, за уважаемых гражданок Союза. Мы натянули на лица еще более радостные улыбки, опустили ноги, выгнулись назад и сделали несколько рискованных сальто на неровных спинах ящеров.

В прошлом году одна девушка сломала на таком представлении спину, и долго лечилась, выращивая два новых позвонка. Охотники не оценили нашу гимнастическую подготовку. Зато отлично заметили, как «прыгают сиськи» в корсетах, сколько интересного открывается во время сальто.

Мы остановились ближе к хвостам ящеров и рывком оседлали их снова. Дернули за поводья и сделали круг почета по сцене…

Мне было глубоко плевать на то, что орали дурные вояки, на то, как они гоготали, поясняя друг другу, как и в каких позах имели бы нас этой ночью.

У меня болело все тело, голова раскалывалась, к горлу подступала тошнота. Единственное, чего хотелось – чтобы все поскорее закончилось.

Как обычно ближе к финалу, ящеры вдруг упали на сцену и пропали. Исчез доисторический лес, гигантские насекомые растворились прямо в воздухе, на лету.

Публика ахнула, притихла, оценив – что все увиденное – от взмаха крыла стрекозы до последнего шипа на хвосте тираннозавра – материальная иллюзия, плод нашей «магии».

Секунда, другая, обратный отсчет. Ящеры, папоротники, хвощи, насекомые… Они появились на сцене одномоментно. Мы запрыгнули на спины доисторических скакунов, сделали круг почета и скрылись за кулисами.

Я добралась до гримерки по стенке, шатаясь, на заплетающихся ногах. Рухнула в кресло, откинулась на спинку и прикрыла глаза. И когда я уже думала, что все, тяжелый день окончен, сзади, с кушетки послышался насмешливый мужской голос.

Он прямо ударил по ушам, по нервам, по больной голове.

– Так вот ты какая, сэлфийская танцовщица. Должен признать, ты меня впечатлила. Почти все ваше представление впечатлило, но ты – особенно.

Я с трудом развернулась в кресле – просто повернуть голову не получалось – в шею выстреливала дикая боль.

Он развалился на кушетке в такой позе, словно хозяин тут, в моей гримерке. Вельтанин… очень высокий, широкоплечий, мужественный, пожалуй, даже слишком. Квадратная челюсть и высокий лоб выдавали в незнакомце упрямца каких свет не видывал. Фиалковые глаза смотрели с прищуром, с издевкой. Или мне только почудилось?

В расстегнутом вороте черного мундира охотника виднелись мощные грудные мускулы. Вельтанин пригладил рукой белые как снег волосы, откинул за спину длинную косу – визитную карточку мужчин это расы – и привстал.

Я уже сталкивалась с мужчинами этой расы, очень похожей на людей, только словно во всем лучше. Крепче, породистей, брутальней. Вельтане считались

лучшими воинами и любовниками среди гуманоидов Галактики. Женщины гуманоидных рас падали к их ногам штабелями. Наверное, поэтому лицо незнакомца излучало такое самодовольство, граничащее с наглостью.

Вельтанин неспешно подошел, склонился над моим креслом так, что наши лица разделяли считанные сантиметры.

Пахло от громилы приятно – чем-то вроде свежих огурцов. Но я-то отлично знала – вельтане мужской парфюмерией не пользуются. Просто и здесь они превосходили человеческих мужчин.

– А ты ничего, – расплылся в кривой улыбке инопланетник. – У меня уже были сэлфийки. Но ты – просто нечто. Сколько тебе лет?

Эммм… Неожиданно. Обычно меня спрашивали о размере бюста, о том, в каких позах предпочитаю заниматься сексом. А тут возраст… Я быстро заморгала, пытаясь сообразить – откуда столь странный вопрос, когда вельтанин соизволил объясниться:

– Слышал, последнее поколение сэлфиек получает способности чуть ли не с рождения… Хочу знать, совершеннолетняя ли ты? Может даже то, что я нафантазировал с тобой в главной роли, незаконно на многих планетах Союза…

Он сверкнул глазами и напрягся. Горячее дыхание инопланетника пошевелило волосы.

Непостижимо… но он чем-то меня привлекал. Да, вот такой наглый, беспардонный, взвинченный… И только сейчас я сообразила, что же еще показалось мне таким странным в незнакомце. От вельтанина совсем не пахло спиртным. Вообще!

Во время нашего представления охотники не просто выпивали, они «нажирались», как говорили во времена моей юности на Земле. А этот… этот выглядел трезвым, как стеклышко.

Сил на то, чтобы оттолкнуть нахала, уже не оставалось. Я лежала в кресле и наблюдала.

– Так сколько тебе? – повторил вельтанин, и фиалковые глаза его полыхнули незнакомым пламенем. Руки мужчины сжали подлокотники с такой силой, что ткань скрипнула, жалуясь на невежливое обращение.

Я наконец-то собрала себя по кусочкам, немного встряхнулась и присела повыше. Мысли собираться не желали – разбегались, как муравьи из разоренного муравейника. Вельтанин навис надо мной – такой мощный, такой возбужденный. Я чувствовала тепло инопланетника. От него исходил настоящий жар.

– Я жду ответа! – возмутился мужчина так, будто я обязана перед ним отчитываться.

– Мне очень много лет, юноша, – выплюнула я как можно более пренебрежительно. Так что шел бы ты к менее опытной женщине и там играл бицепсами. Вдруг она впечатлится?

Вельтанин резко выпрямился, будто шест проглотил, и показался мне просто громадным.

– Цыпочка с норовом? – хмыкнул он и прищурился. – Да ла-адно! Все вы одинаковые! Вы же не просто так тут работаете! У вас нет мужей или мужчин…

И тут я резко очнулась. Усталость как рукой сняло, сердце забарабанило в ушах строевой марш, возмущение поднялось горячей волной. Даже виски заныли. Я встала, скрестила руки на груди и процедила:

– Слушай, ты, охотник… как там тебя! А не пойти ли тебе в холодный душ? – в один шаг я преодолела расстояние до мужчины, накрыла рукой твердый бугор на его брюках и сжала так, что тот запульсировал. Вельтанин задрожал, из горла его вырывалось рычание. Горячая, как печка рука, перехватила мою ладонь и рывком оторвала ее от свидетельства его восхищения.

Вельтанин нахмурился, резко выдохнул, и вдруг прижал так, что я едва могла глотнуть воздуха.

– А ты дерзкая, верно? Значит, не малолетка! Значит, я вполне могу с тобой поразвлечься! Ну же, красотка… я тебе хорошо заплачу… Тебе понравится, даю слово… Главное успокойся и не рыпайся… И, может быть, даже прокатишься на охотничьем транспортнике.

Он наклонился, шумно втянул запах моих волос, зарылся в них носом и зарычал. Я знала, что вельтане очень чувствительны к запахам, особенно к женским. От одних их воротило, другие – притягивали как магнитом. Очень некстати, нелепо и неожиданно, но крепкое возбужденное мужское тело вызвало во мне бурю желаний. Не убить нахала, нет. Прильнуть, поцеловать… и даже больше.

Вельтанин словно почувствовал. По-хозяйски провел руками по спине, опустился к ягодицам и стиснул их, вжимаясь в мой живот выпуклостью на брюках.

Еще одно рычание, резкий выдох… и я немного пришла в себя. Что я делаю? Мерзавец обращается со мной как с дешевкой, а я… млею в его руках, позволяю себя… щупать?

Щеки загорелись, уши тоже. Я уперлась руками в грудь вельтанина, попыталась оттолкнуть его. Но, кажется, проще было сдвинуть небоскреб.

Мужчина вгляделся в мое лицо и прищурился.

Я набрала в грудь побольше воздуха, призвала всю ярость, все возмущение и выпалила:

– Слышь, ты! Самец недоделанный! Немедленно покинь мою гримерку! Или позову охрану!

Как ни странно, вельтанин отпустил меня, отступил к двери и ухмыльнулся:

– Хм… А ты не такая, как о тебе судачат и врут в галанете… Это приятно. Даже очень. Что ж… Мы еще увидимся!

И прежде, чем успела ответить, инопланетник вылетел из каюты, оставив меня в полном недоумении.

Конечно же я отлично знала, что пишут о нас в галанете посетители театра. Как они имели нас где угодно и в каких угодно позах. Как мы стонали под их мужественными телами, просили еще и еще. Как прыгали прямо со сцены в их объятия…

Галанет пестрел сайтами и форумами, где перевозбужденные самцы всех видов и рас делились фантазиями на наш счет. И лишь единицы знали, что актрисы театра никогда не встречаются с поклонниками. Более того! Любая интрижка и секс в гримерке могли стоить нам работы. Конечно, тут уж как повезет…

Если мужчина окажется влиятельным, уважаемым в Союзе, Цван Оу посмотрит на интрижку танцовщицы сквозь пальцы. Но только в этом случае.

Да и большинство девушек, прожив сотни, тысячи лет, не питали иллюзий по поводу мужчин, романтических отношений, ухаживаний. Поэтому так спокойно воспринимали комментарии из зала, галанетовские сплетни несчастных, которых через пятьдесят лет и в живых-то не останется…

Удивляло другое. Кажется, вельтанин с самого начала не верил в гормональные бредни самцов, ядовитые комментарии одиноких, неустроенных женщин, озлобленных домохозяек. Но хотел убедиться в собственных подозрениях, удостовериться в том, что я – «девушка строгих правил».

Зачем? Для чего ему это понадобилось?

Да и убеждаясь, мужчина слишком увлекся. Судя по тому, что я нащупала в его брюках, вельтанин был готов, более чем…

Прошло немного времени, и в гримерку заглянула уборщица – невысокая, немного нескладная человечка – Анастасия. Я кивнула, предлагая ей войти. Девушка с огромным трудом втащила в комнату две необъятные корзины – с фруктами и ягодами. Одну до отказа набили плодами моей родины – Земли, другую – галактическими деликатесами, безвредными для организма сэлфа.

Налитые яблоки поблескивали алыми бочками, ярко-оранжевые апельсины выглядели на редкость спелыми. Тяжелые грозди винограда – черного и зеленого – перемежались с круглыми, темными черешнями. А надо всем царствовали ярко-алые ягоды отборной клубники – одна к одной. Экзотические

фрукты я не особенно жаловала. Побаивалась пробовать плоды иных планет, хотя подруги утверждали, что многие гораздо вкуснее земных. Поэтому вторая корзина, наполненная колючими, треугольными, трехцветными и прозрачными, как стекло, плодами впечатления не произвела.

– Что это? – удивилась я.

– Вам просили передать. Сказали, в качестве извинений. Просили забыть о происшествии в гримерке, принять искренние сожаления и заверения в уважении.

Глава 2. Эльрих

Задание оказалось несложным.

Мы скрутили пиратов на подступе к грузовому транспортнику, перебили половину, а остальных посадили в клетки и направились на базу. Сдали «ценный груз» в СИЗО до вынесения приговора, и черт дернул Мальриха, моего помощника, предложить посетить сэлфийский театр.

Я никогда особенно не любил стриптиз-клубы и бары, где женщины предлагали себя за деньги. Любовниц заводил немало – бешеное вельтанское либидо едва позволяло дотерпеть до конца рейда, чтобы сбросить напряжение. Но предпочитал нормальных гражданок Союза. Тех, что не трясут телесами перед мужчинами и не продаются за звонкую монету. Хотя "звонкая монета" сохранилась только как фигура речи – теперь мы расплачивались виртуальными деньгами. Я брезговал.

Но Мальрих позвал на шоу всю команду, и мне, как капитану, уже просто было не отвертеться.

Искусственная планета-станция на пересечении миллионов путей космотелепорта встретила нас приветливо. Впрочем, как и всегда. Союз любил своих героев.

Черные мундиры охотника с кожаными карманами и погонами всегда вызывали у мирных граждан необъяснимый ажиотаж. Женщины пялились на нас, улыбались. Дети тыкали пальцами и восторженно кричали. Мужчины поглядывали не без зависти. Знали бы они, какими тяжелыми порой бывают погони, кровопролитными – схватки с пиратами… Не смотрели бы так…

А, впрочем, все как всегда.

Межгаллактический космотелепорт кишел инопланетниками. Сородичи редко здесь появлялись. Вельтане не любили путешествовать, предпочитали работать на родине. Большинство соплеменников если и покидали планету, то ради службы в полиции и спецподразделениях, как я.

Максим, белокурый землянин из нашей команды, щедро раздаривал женщинам улыбки. Человеческие мужчины падки на экзотических женщин, а здесь они попадались на каждом шагу.

Похожие на полумедведей малкурты с тремя грудями в длинных свободных одеяниях неспешно косолапили мимо. Латтарны, миллиоки и мусы – теплокровные рептилии с гибкими гуманоидными телами, покрытыми золотистой, серебристой, синей и фиолетовой чешуей, семенили, держась поодаль.

Множество гуманоидных рас, вроде людей и вельтанцев, только с другим цветом кожи, глаз, волос, с рогами или хрящевыми наростами на голове, притормаживали, завидев мою команду.

Я предпочитал человечек, вартанок и вельтанок. Все остальные расы казались мне интересными уродцами, но не более.

Мальрих так воспевал сэлфийский театр, что команда возбудилась не на шутку. Цилиндрическое здание, этажей эдак в тысячу или больше не особенно впечатляло. Интерьер шестисотого этажа, где располагался театр – тоже.

Просторный зал и удобные кресла. Шустрые бронзовые служанки-келлы, похожие на гибкие стручки, затянутые в белый латекс, столь популярный в последнее время в ночных клубах. Ничего особенного. Гигантская сцена разочаровала тоже. Пустая, без единой декорации, темная и неприветливая… но

потом…

Потом на сцене появилась она…

Я не заметил, сколько сэлфиек участвовало в представлении, я вообще видел только ее. Среднего земного роста, гибкую, с красивой грудью, круглыми бедрами и умопомрачительной талией. Ее янтарные глаза затягивали, как омуты, губы напоминали маленький алый бутон и обещали море незабываемых ощущений. Давненько я так не заводился от одного только танца.

Я наблюдал за ней, не упуская из виду ни малейшего движения и жеста. И каждый из них был выверен до миллиметра. Девочка знала, что делала. К концу представления я не знал, как сесть, чтобы штаны меньше жали. Теперь обтягивающая форма охотников казалась просто орудием пытки.

А когда танец подходил к концу, я ринулся за кулисы, выяснять, где ее гримерка.

Уборщица, человечка средних лет, полноватая, но складная, или как говаривал Максим, полнокровная, смущенно опустила глаза, когда я метнулся к ней, как заполошный.

И только тут я сообразил, что не знаю ни имени девушки, ни возраста, ни биографии. Я понятия не имел, как объяснить, чью гримерку ищу.

– Вы что-то хотели, господин охотник? – спросила уборщица и раскраснелась, косясь на мои брюки. По ним даже полуслепой бы заметил, чего я сейчас хочу.

Я хмыкнул и запустил руки в карманы, чтобы немного скрыть округлость.

– Мне бы узнать, где гримерка одной танцовщицы… Она такая, среднего роста, с янтарными глазами и…

Уборщица подняла на меня такой разочарованный взгляд, словно я оскорбил ее в лучших чувствах, и ткнула пальцем в одну из черных пластиковых дверей без опознавательных знаков.

Я вошел, вдохнул ее запах и рухнул на кушетку.

Не понимаю, как я, капитан охотников, позволил себе купиться на слухи в галанете, поверил им. Уж я-то прекрасно знал цену безудержной трескотне на форумах и сайтах. Читал о себе такое, что поначалу захлебывался от ярости. Но потом просто перестал следить за тем, какие похождения приписывали мне в галанете. Сколько детей, какие псевдонимы.

А вот сейчас купился… Наверное просто потому, что очень хотел ее. Сейчас, здесь я отдал бы за ночь с этой женщиной весь свой месячный оклад. А она вошла, такая расслабленная, усталая и обессилено упала в кресло, даже не заметив меня.

Наш разговор стоил мне остатков самоуважения, последних крупиц самоконтроля. Боже! Как я хотел ее! Прямо тут, немедленно… Я был в секундах от насилия, хотя ненавидел и презирал всех, кто принуждает женщин к близости.

Слава богу, она меня отрезвила. Злые слова, что полетели в лицо, охладили почище ведра со льдом. Я вылетел от нее пулей, мечтая забыть, как обидел девушку, и хоть немного успокоиться. Но это не помогло.

По кольцу-компьютеру я за считанные секунды заказал ей лучшие земные фрукты и галактические тоже. Пальцы едва попадали по виртуальным магнитным клавишам, но я закончил дело, оплатил половиной своей зарплаты и вернулся на транспортник.

Серебристо-серый, похожий на древний самолет, он выглядел прекрасным, стройным, изысканным. По крайней мере, для меня. А еще он не раз спасал нам жизнь. Я заскочил в голубую капитанскую каюту, где жил все последнее время, плюхнулся на громадную кровать из сверхпрочного пластика и несколько минут не знал, что с собой делать. От желания сводило ноги, в паху болело. Пришлось снять штаны и дать немного свободы возбужденному телу.

Мне потребовались полчаса в личной ванной, чтобы хоть немного успокоиться и избавиться от навязчивого желания. Но избавиться от воспоминаний о сэлфийке я не смог.

Еще какое-то время я метался по просторной каюте, а по факту – почти квартире. Забрел на кухню, сделал себе ромашкового чая, заглянул второй раз в ванную, ополоснул холодной водой лицо.

Нет, видение уходить не желало. Нежная, бледная кожа без малейшего признака румянца, огромные янтарные глаза, острые скулы и губы… маленькие, яркие, манящие.

Она словно околдовала меня, как древняя ведьма, наложила любовные чары. Я не находил себе места, чувствовал себя неуютно в собственном теле, в своей каюте. Я хотел увидеть ее снова, но не мог. Нужно было выждать, дать девушке успокоиться, простить меня…

Я устроился за рабочим столом – черным, из популярного сверхпрочного пластика. Вызвал виртуальную клавиатуру и виртуальный монитор из «сердца компьютера» – маленького ящичка, не больше спичечного коробка размером.

Кто она? Откуда? Сколько ей лет? На вид я дал бы рыжей колдунье не больше двадцати восьми, максимум тридцати… О-ох…

Не знаю, как пропустил это раньше! Ярко-синяя заставка с алыми буквами, похожими на кровавые подтеки, загрузилась мгновенно. Бархатный занавес выглядел как настоящий. Чудилось – коснешься и почувствуешь нежный ворс под ладонями.

«Сэлфийский театр и его танцовщицы» – выплыла мне навстречу надпись.

Я кликнул по ней, занавес открылся, и передо мной выстроились трехмерные фигурки танцовщиц. Нажав на любую, я словно получал соседку по комнате.

Девушка выплывала из виртуального мира. Изображение становилось плотным, почти неотличимым от настоящего, живого существа.

Рыжую колдунью я нашел сразу же, вытащил ее, поставил рядом и залюбовался.

Но когда глаза пробежали по строчкам, что шли прямо по телу девушки, рассказывая ее историю, из горла вырвался тяжелый вздох.

Боже! Она столько пережила, а я… я вел себя как последняя скотина! Она, Наддария Светлова… больше никогда не захочет меня видеть. На ее месте я бы на пушечный выстрел такого к себе не подпустил…

Я откинулся на спинку кресла, и несколько секунд казалось – все, жизнь закончилась. Почему мне было так больно? Я не понимал. Я обидел эту удивительную женщину – незаслуженно, грубо, отвратительно. Но почему я так переживал из-за этого? Мы ведь почти не знакомы! Увиделись лишь однажды… Как она может столько значить для меня? Кто она такая, эта сэлфийка, способная ткать материальные иллюзии, танцевать как богиня и сводить с ума?

Вдруг в груди что-то оборвалось, внутри разлилась боль.

Несколько минут я сидел неподвижно и думал о том, как теперь жить. Странно… Я жил без нее тысячу лет! Возможно, не слишком счастливо, но спокойно и радостно. Воевал с пиратами с азартом истинного вельтанина, который чтит кодекс чести, ненавидит воров и грабителей! Мне нравилась эта работа. То, что мы делали, казалось не просто правильным – нужным и важным. Я воспринимал нас как санитаров общества. Как тех, кто уничтожает заразу, как противоядие против воровской отравы.

А теперь, чудилось – и сутки не протяну без Наддарии – ее глаз, волос, звонкого голоса…

Я заставил себя встать, выпить еще ромашкового чая и согреть жаркое. Надо поесть, выспаться. Завтра снова в бой. Возможно, охота отвлечет меня от боли и безысходности, что завладели всем существом. Хотя бы на время подарит забвение. Я решил больше никогда не беспокоить ее, не тревожить своим присутствием. Позволить рыжей колдунье жить как прежде, забыть о моем вторжении и хамстве… Хотя я бы не забыл. Ненавидел бы того мерзавца всей душой… И от этих мыслей в груди снова и снова что-то обрывалось…

Дари

У меня едва хватило сил добрести до выхода из здания. Фрукты я оставила в гримерке – пусть уборщицы полакомятся. Все подарки, что мы не забирали с собой, считались их законной добычей.

Не хотелось принимать подарок от мужчины, который обошелся со мной так…

Я передернулась при мысли о вельтанине. И самое ужасное – как бы ни убеждала себя, мужчина вызывал во мне все более противоречивые эмоции. Я злилась на него, но и мечтала встретиться снова. Фиалковые глаза инопланетника стояли перед внутренним взором. Его мощная фигура – в меру атлетичная и в меру стройная, руки, одновременно крепкие и красивые. Я терпеть не могла мужчин с пальцами-обрубками, с кривыми ногтями. Не знаю почему, но один вид таких рук вызывал во мне приступ брезгливости.

У пластиковых дверей здания толпился народ. В основном, наши фанаты. Относились к ним девушки очень по-разному. Одни буквально купались во внимании, другие, как и я, сторонились безумной толпы.

Кого тут только не было! Люди, вартанцы, малкурты, мусы… Толпа изобиловала кожей почти всех цветов радуги, поблескивала чешуей. То здесь то там мелькали рога и хвосты…

Я с трудом привыкала к инопланетникам. К их виду, манерам и психологии.

Некоторые вели себя как маленькие. Те же мусы… Невысокие, с фиолетовой чешуей, но вполне гуманоидными телами. Они могли схватить тебя за ягодицы, дернуть за косу и загоготать как в детском саду.

Несколько крепких вартанцев – в полиции, спецназе, среди охотников их было пруд пруди – флиртовали с двумя девушками из нашей труппы.

Зеленоглазая, крепко скроенная Настурция, хихикала и смешно запрокидывала голову, тряся негустыми русыми волосами. Очень бледная даже для нашей расы длинноногая Лолла улыбалась и нервно заправляла за ухо черные пряди чуть ниже плеч.

Марина робко пробиралась сквозь толпу. Улыбкой отвечала на комплименты, морщилась от сальных намеков и неприличных предложений.

Навороченное зеленое такси с тремя оранжевыми полосками на дверцах, как и положено, неспешно спустилось с неба. И я решила, что это шанс. Приоткрыла

двери и рванула сквозь толпу. Я почти пробилась к такси, когда путь преградил огромный вартанец, бритый под ноль. Смуглый инопланетник напоминал мулатов далеких времен, когда людей еще разделяли на разные расы.

Горообразный, с квадратной челюстью, низкими надбровными дугами, в темно-фиолетовом мундире капитана галактической полиции, он буквально поймал меня на лету. Схватил одной рукой, сгреб, прижал. В лицо пахнуло чем-то кислым, и я поморщилась.

Вартанец наклонился, почти касаясь своим носом моего и пробасил:

– Крошка! А ты зажгла на сцене! Может, также зажжешь и в моей постели?

Мне не в первый и не в последний раз предлагали подобное, лапали, хватали, тискали. Такова оборотная сторона профессии. Большая часть подвыпивших зрителей воспринимала нас как стриптизерш, в лучшем случае, в худшем – как проституток. Но сегодня меня особенно взбесило такое обращение. Не успела проконтролировать собственную материальную иллюзию, как в руке появилась увесистая дубина. Я ударила ей с размаху, не целясь, а потом еще и еще, пока не закончилась энергия и виртуальная штуковина не растаяла в воздухе. Я вымоталась за последние представления, почти лишилась сил.

Вартанца проняло, но не так как хотелось бы. Он набычился, выпятил грудь, зарычал. Схватил меня за шкирку, поднял на вытянутой руке, как тряпичную куклу и встряхнул так, что, думала все – вытрясет все внутренности, а может, и душу в придачу.

Я зажмурилась, но в эту минуту откуда-то справа послышался бархатный мужской голос. Он лился, как мелодия, и, казалось, незнакомец не говорит – напевает. Эльталл! Я сразу узнала эту расу. Они очень походили на эльфов. Стройные, но атлетически сложенные, с волосами белыми как снег или черными как смоль, гибкие и пластичные. А еще высокомерные и себялюбивые. Впрочем, сейчас мне было глубоко плевать – с какой стороны придет помощь. Главное, чтобы пришла.

Я приоткрыла глаза и ощутила, что вартанец медленно опускает меня, потому что прямо в его голову нацелился голубой луч. Оружием эльталлы тоже пользовались необычным. Чем-то вроде лазера, но не лазером и не

плазмострелом. Этот луч пронзал любую броню, пробивал сверхпрочный пластик и, почти единственный, зажигался даже в пространственных коридорах космотелепорта.

Вартанец фыркнул, с ног до головы окатив меня кислым запахом. Я поморщилась и очутилась на ногах.

– Так-то лучше!

Я наконец-то повернула голову, чтобы рассмотреть спасителя. Эльталл небрежно смахнул со лба непокорную черную прядь.

Мужчина выглядел очень привлекательно, если вам нравятся те, у кого никогда не растет щетина, кожа гладкая, как у женщины, а черты – тонкие и мелкие.

Признаться, я больше предпочитала верзил, вроде вельтанина. Но сейчас согласилась бы на любого спутника, лишь бы вартанец отвязался.

Одевался эльталл как аристократы его расы – в серебристую тунику, тонкую, почти как кружево, и брюки из нежнейшей коричневой кожи.

Его высокие сапоги из такой же кожи, только черной, затягивались впереди старомодной шнуровкой. В нашем космическом государстве такие давно не носили. Обычно обувь застегивалась на магнитные защелки, клепки, куда более прочные, нежели шнурки.

– Ты в порядке? – спросил эльталл, потому что я покачивалась и едва не падала на землю.

Незапланированное представление выжало из меня все соки, ссора с вельтанином взбудоражила, разозлила, а драка с вартанцем и вовсе лишила последних сил. Не дожидаясь ответа, эльталл подставил мне руку, и я оперлась на нее, потому что сама дойти до такси уже не могла.

Я понимала, что принимаю неверное решение. Весь вид эльталла – длинный хвост волосок к волоску, перевязанный тонкой шелковой лентой, его одежда намекали на то, что мужчина очень не прост. Но у меня совсем не оставалось

сил. Еще немного – и до такси пришлось бы добираться ползком.

Эльталл усадил меня в машину и опустился на соседнее сидение.

На меня повеяло запахом зеленых груш.

На мой вопросительный взгляд мужчина сладко улыбнулся.

– Ты едва ли можешь дойти до дома сама, – произнес самым невинным тоном. – Не могу же я сделать дело наполовину. Выручить тебя тут и бросить на произвол судьбы дальше?

Ничего не оставалось, как только кивнуть. Эльталл кивнул тоже – плавно и грациозно, как умели только мужчины и женщины этой расы, и я сообщила автопилоту адрес.

Машина взмыла в небо. Мгновенно оставила позади золотистую полосу пляжа, ярко-изумрудную – искусственного моря и углубилась в оазис.

Светло-лиловые сумерки напоминали о том, что даже они тут – не настоящие. Так, декорация. Здесь не было солнца и неба – только стены гигантской космической станции, словно еж иголками усеянной входами в пространственные коридоры.

Впереди замаячил эпицентр туристических достопримечательностей – небольшой городок – Арривар. В переводе с языка корвальцев – людей-кентавров и главных владельцев станции, это означало «Рай».

Корвальцы строили необычно. Все их здания и дороги напоминали геометрические узоры, подсвеченные сотнями разноцветных огней.

Воздушные трассы пролегали так, что пестрые реки машин сливались в волны. Невысокие здания напоминали многогранники, с острыми треугольными пиками крыш. Даже табло с виртуальной рекламой имели форму пирамид и шаров.

Мой дом «на третьей линии», то есть в получасе ходьбы от моря, тоже отстроили многогранником.

Единственное, на чем я настояла, чтобы стены не делали из полупрозрачного сверхпрочного пластика. По сравнению с остальными жилищами, мое выглядело настоящей крепостью. Стены из искусственного темно-коричневого камня, окна из специального прозрачного пластика. Я видела все, что творится снаружи, но прохожие могли наблюдать лишь игру света на зеркальной поверхности окон.

Крыша с высоким ярко-алым шпилем. Мне очень нравилось мое жилище. Кто же знал, что придется так скоропалительно покинуть его.

Я вышла из машины, и спутник тоже.

Кольцо-компьютер не мигнуло, сообщая о трате. Значит, такси сняло деньги с эльталла, и это мне сразу не понравилось. С чего бы вдруг ему платить за малознакомую инопланетницу? Тем более, насколько я знала, эльталлы брезговали заводить серьезные отношения даже с сэлфийками. Только с существами своей расы, желательно еще и высокого происхождения. А весь вид моего нечаянного спутника просто кричал о том, что он ну очень голубых кровей.

Останься у меня хоть немного сил, здравого смысла, не гуди так голова…

Черт! Самые большие глупости совершаются в состоянии, когда нам уже все равно. Либо спьяну, либо от безумной усталости.

Я забрела на невысокий порог, поднесла руку к двери. Датчики считали ауру, ДНК владелицы, и замок бесшумно открылся.

Эльталл как-то очень настойчиво придержал меня за локоть, и, не притормаживая, вошел в дом.

Я развернулась к нему лицом, намереваясь вежливо, но твердо распрощаться. Но не тут-то было. Эльталл схватил меня, усадил на тумбочку в прихожей и задрал юбку. Я всегда ношу длинные платья и юбки, свободные топики. Так что инопланетнику пришлось порыться в складках, да еще побороться с кружевным подъюбником. С рыком и стоном эльталл все же справился с тканью и дернул меня за трусики.

Я отшатнулась, попыталась убрать его руку, но сейчас я не справилась бы даже с человеком. Куда уж побороть инопланетника из расы, о силе и ловкости которой ходили легенды по всему Союзу.

Я беспомощно забилась в руках эльталла, как птица в силках. Мерзавец сорвал с меня трусы, быстро расстегнул брюки и почти взял меня. В момент, когда наши тела почти соединились, в голове словно пронеслась вспышка. Ярость накатила тугой волной, жар бросился в лицо, открылось второй дыхание.

В руке материализовался клинок. Я мазнула им по воздуху, просто так, не целясь, и… голова эльталла скатилась с плеч.

Клинок исчез. Я ахнула, сползла с тумбочки, рухнула рядом с окровавленным телом и затихла.

В оцепенении я наблюдала, как по теплому зеленому полу ползут лиловые ручейки инопланетной крови и подбираются ко мне, словно напоминая о содеянном.

Я обхватила колени руками, съежилась и принялась раскачиваться из стороны в сторону.

Мысли метались в голове роем вспугнутых пчел, сердце бухало в груди как сумасшедшее, руки и ноги похолодели.

Так…я убийца. Господи! Я прожила больше тысячи лет… повидала смену режимов, объединение и разделение стран, уничтожение континентов, выход в космос, открытие новых планет… И ни разу, ни разу не нарушила закон! Не украла ни крошки хлеба, когда семья почти голодала в очередной кризис, даже паспорта меняла с завидной регулярностью… и вот…я убийца… Убийца богатого, родовитого и явно очень влиятельного инопланетника. Боже! Боже! Что же теперь делать?

Я встрепенулась и огляделась по сторонам.

Кровь продолжала лучами растекаться от мертвой головы с белесыми глазами и неестественно перекошенным ртом.

На языке горчило – едкий запах инопланетной крови действовал на вкусовые рецепторы.

Тело эльталла валялось рядом – неприлично голое и возбужденное.

Понятное дело, камеры в моем доме, энергетические слепки из космоса и прочее… в конце концов установят истину. Но до тех пор… меня наверняка арестуют. А там, в тюрьме, друзья, родственники эльталла постараются сделать так, чтобы правосудие оправдало уже не живую сэлфийку, а ее бездыханный труп.

Я слышала, как действует эта раса. Столько ядов, сколько изготавливали и использовали эльталлы, не знала наука всех остальных планет вместе взятых… Они подкупали, вероломно проникали повсюду, нанимали убийц.

Было совершенно очевидно – после расследования меня оправдают. Но до этого момента я не доживу.

Я сжала колени руками посильнее и замерла в ожидании худшего. В конце концов, я прожила достаточно. Что мне терять? Близких? Их у меня нет. Работу? Адскую каторгу за гроши, после которой тебя поливают грязью на весь галанет существа, не достойные пыли с твоих сапог? Друзей? В последнее время я перестала их заводить. Слишком многих пережила, слишком многих потеряла в огромном галактическом государстве.

Никто не заплачет по мне и никто не расстроится. Что ж, будь что будет.

Когда дверь распахнулась, и чьи-то высокие черные сапоги замаячили у самого лица, я подумала – все, вот и конец. Но меня схватили и понесли куда-то. Я приоткрыла глаза и увидела… вельтанина. Того самого, с фиалковыми глазами и неприличными предложениями. Он нес меня как нечто очень хрупкое, ценное. Погрузил в темную машину, и та взмыла в небо. Мы стремительно пронеслись над городом, только ветер свистел над машиной.

Я ничуть не удивилась, когда авто влетело в невидимый невооруженному глазу ангар для кораблей особого назначения. Громадный, бирюзовый, будто отлитый из цельного куска пластика.

Транспортники выстроились рядами, похожие на громадных серебряных птиц. Невероятно красивые, но и смертоносные тоже.

Вельтанин со мной на руках вбежал в один из них, ураганом пронесся по синим коридорам, и забежал в голубую каюту, явно капитанскую.

Осторожно уложил меня на огромную кровать, накрытую изумрудным покрывалом из тончайшего бархата, опустился в кресло напротив и произнес:

– Не высовывайся! Мы отбываем через несколько часов. Никто не посмеет искать тебя здесь, даже если и заподозрит. Следить за нами могли только до ангара. Дальше – слепая зона для всех датчиков, даже для самых секретных. Если что, я скажу, что отпустил тебя в ангаре и ничего не знаю. Сюда войти нет полномочий ни у кого. Пока идет расследование, мы как раз отчалим по очередному заданию. А там… все уладится.

Я выдохнула, кажется, первые за последний час. Внимательно посмотрела в лицо вельтанина и с трудом выдавила из пересохшего горла:

– Зачем?

– Я тебе должен. Разве не так? – он улыбнулся так, как мало кто будет улыбаться в нынешних обстоятельствах. – Вкусные извинения ты не приняла, насколько я выяснил. От полезных отказаться уже не сможешь. Я капитан Эльрих Лазго, – он встал и поклонился. – Каюта в твоем распоряжении. Еда – в контейнере-телепорте, как и положено. В ванной есть все, что нужно. Если потребуется что-то еще, биоботы обслуги принесут. Только жми на кнопку. – Он ткнул пальцем в зеленую виртуальную кнопку на стене.

Еще раз поклонился и вышел из каюты быстрее, чем я сказала «спасибо».

Глава 3. Эльрих

Как почувствовал, что с ней неладное, сам не знаю. Просто в какой-то момент сработала интуиция. Та самая, что тысячу раз выручала в схватках с пиратами –

подлецы всегда нападали из-за угла, вели бой нечестно. Пираты… что с них возьмешь. Однажды мы даже подоспели к большой бандитской бойне. Придурки не поделили богатый улов, попались самым нелепым образом, и оказались за решеткой.

Я доверял знаменитому вельтанскому шестому чувству на сто процентов. Знал наверняка – просто так оно предупреждать не станет.

Я помнил адрес Дари с сайта про сэлфийский театр. Еще тогда удивился – зачем личные данные танцовщиц «озвучили» на весь галанет!

Мало ли с какой целью к ним захотят заявиться!

Похоже, этот деляга Цван Оу, совершенно не заботился о девушках. Ходили слухи, что латтарнец менял танцовщиц согласно «моде» на женские фигуры в каждом столетье. Без зазрения совести и малейших сожалений выбрасывал на улицу танцовщиц, которые проработали у него двести-триста лет.

Моя темная машина еще стояла возле ангара. Обычно биоботы обслуги парковали ее на специальной стоянке, тремя этажами ниже. Но сегодня припозднились.

Я запрыгнул на водительское кресло и сам повел авто. Сейчас почти никто не водил собственноручно – современные автопилоты позволяли регулировать маршрут ежеминутно, лишь одним устным приказом. Но мне нравилось быть «у руля». Пусть даже допотопной «баранки», что крутили водители прошлых лет, давно не существовало в природе.

Теперь мы работали на клавиатуре, похожей на компьютерную. А собственно руль служил лишь, чтобы удерживаться на месте, когда машина совершала фигуры высшего пилотажа.

Арривар походил на все города корвальцев. Такой же гротескный, нелепый, угловатый. Он напоминал ожившую картину художника-кубиста.

Яркие огоньки, виртуальные витрины только усиливали впечатление.

Дом Дари я нашел сразу же. Он выглядел очень стильным и одновременно скромным по сравнению с остальными многоугольными коттеджами с прозрачными стенами.

Из приоткрытой двери доносился шум и сдавленные крики. Я скомандовал автопилоту садиться, а сам выскочил из машины, торопясь на помощь. Но… все равно не успел. Бедная девочка сидела рядом с обезглавленным телом и тряслась, как осиновый лист. Передать не могу, как дорога она мне была в тот момент. Я отдал бы за нее жизнь хоть сейчас, не раздумывая. Я поднял Дари на руки, прижал, запрыгнул в машину и приказал автопилоту вернуться в ангар.

Всю дорогу она только дрожала и всхлипывала. А у меня что-то обрывалось в груди – ежеминутно, будто там не одно сердце, а десятки.

Проклятье! Сейчас, здесь, я отчетливо понял – в целом мире, во всем Галактическом Союзе нет никого дороже, важнее этой маленькой, насмерть перепуганной женщины.

И ничего хорошего в этом не было. Я совершенно перестал соображать. Только прижимал ее, обнимал, гладил, шептал на ухо слова утешения и снова прижимал. Я оказался ни на что не способен в тот ужасный момент. Только когда машина почти долетела до места, меня немного отпустило. Мысли заметались в голове с безумой скоростью.

Так… самооборону Дари установят, но не сразу. Эльталл, которого она убила своим удивительным даром, явно из вельможных мразей. А значит, в тюрьме девочке не жить. Что ж. У меня есть отличная запасная каюта.

Я поторопился на транспортник, пока команда не заняла свои места перед стартом. Бережно уложил Дари на кровать и попытался сказать хоть что-нибудь в свое оправдание.

Вышло хуже, чем думал. Я плел что-то про долг, про прощение за ужасное поведение, а сам глаз не мог оторвать от ее длинных белых ног, едва прикрытых обрывками черной юбки.

Эта женщина вызывала во мне такое животное желание, что ноги свело почти моментально, пах налился свинцовой тяжестью и жаром. Я с радостью приложил

бы туда лед, или… мою Дари… От этой мысли в голову окончательно ударило. Я понял, что если не уйду прямо сейчас, то попытаюсь повторить то, что не успел сделать мерзавец эльталл. И вовсе не из распущенности, как грязный аристократишка. А лишь потому, что меня влекло к этой женщине с такой силой, что тело совершенно сходило с ума, а голова отказывалась соображать.

Я вылетел в коридор и добежал до запасной капитанской каюты. В пару шагов приблизился к окну-экрану и прислонился лбом к прохладному пластику. Это чудо техники транслировало планеты, звезды, Галактики, мимо которых следовал корабль. Даже если транспортник путешествовал по пространственным коридорам.

Боже! Что я делаю?

Впрочем, на сей раз я не натворил ничего ужасного. Единственное, за что я действительно себя корил – так это за то, что бросил Дари одну в таком состоянии. Напуганную, растерянную, опустошенную…

На корабле она никого не знает. Может я и не тот, с кем Дари предпочла бы скоротать вечер, но мы хотя бы знакомы. Коротко, очень странно, но знакомы.

Я сделал несколько глубоких, рваных вдохов и направился на кухню.

Так… Надо отвлечься от собственных желаний и подумать о Дари… Пожалуй, вернусь, заварю ей чай, постараюсь утешить. В конце концов, сейчас главное выиграть время. Расследование, в любом случае, установит попытку насилия. Я слышал сам, как отбивалась рыжая колдунья. Да и весь вид эльталла, со вполне очевидными признаками возбуждения, освобожденными от одежды явно не для демонстрации их красоты, говорил об этом.

Я горько усмехнулся и ударил кулаком по темно-синему столу. Тот подскочил на добрых десять сантиметров и с жалобным визгом проехался по полу. Вот же мразь!

Хочешь развлечься, найди себе готовую на все нимфетку в заведениях для богатых и озабоченных. В Арриваре такие на каждом углу!

Закажи девушку постарше и поопытней. Из тех, что делают в постели почти все, знают тысячи поз и способов удовлетворить «клиента».

От одной мысли, что эльталл касался рыжей колдуньи своим мерзким естеством, меня передернуло. Возбуждение как рукой сняло, оно перешло в ярость. Такую, что аж в глазах потемнело. Я ударил кулаком по столу еще, еще, еще… И колотил, пока с костяшек не закапала кровь, а синий пластик не пошел паутинкой трещин.

Только тогда боль немного отрезвила меня. Я выпрямился и решительно направился к Дари. Нельзя бросать девочку в такой момент! Мало ли что она учудит?! Господи! А вдруг она решит, что я такой же, как эльталл? Вид у меня был наверняка тот еще. Да и брюки охотника совершенно ничего не скрывали, будь они прокляты!

Почти бегом вернулся я в свою каюту и… услышал, как на кухне стучит по столу пластиковая чашка. Заглянул туда и облегченно выдохнул. Дари устроилась в за столом. Такая маленькая и хрупкая в огромном капитанском кресле, несчастная, но одновременно сильная и отважная. Плечи расправлены, спина предельно прямая, упрямый подбородок выпячен. Рыжая колдунья сжимала чашку обеими руками и цедила ромашковый чай. Ее тонкие пальцы побелели от напряжения.

Дари вскинула на меня свои янтарные глаза – глаза женщины, которая слишком давно живет, чтобы не понимать моих желаний, стремлений. И я растерялся, опешил, как ребенок. Казалось, снова мальчишка, стою перед учителем и мямлю невыученный урок.

Я медленно подошел к столу и сдавленно спросил:

– Ты как?

Она пожала плечами, вздохнула так, что у меня сжалось сердце, и прошептала:

– Не знаю…

И меня накрыло опять. Черт меня подери! В обществе этой женщины эмоции били через край, совершенно лишали самообладания, трезвости мысли.

Единственное, о чем я сейчас думал – обнять ее, стиснуть, утешить…

Даже тело инстинктивно подалось вперед, чуть дернулись руки.

Дари кивнула на кресло, напротив своего, и я послушно опустился, потому что ничего другого в голову не приходило.

– Спасибо, – сказала она очень тихо, но хотя бы уже не шепотом. – У меня нет друзей и родственников… Так что… если бы не ты…

– Забудь об этом! – отмахнулся я. – Давай лучше расскажу тебе, что и как на моем корабле. Где кафе, где игровая, где тренировочная. А куда лучше не ходить одной – там бар для команды со всеми вытекающими…

– Алкогольными реками? – изогнула бровь Дари, и пальцы ее наконец перестали дрожать.

Взгляд рыжей колдуньи упал на мои руки, и уже обе ее брови удивленно приподнялись. Не сразу я понял, в чем же дело. Пока Дари сама не прояснила ситуацию.

– С кем это вы успели подраться? – маленькая ладошка мягко коснулась моей, и захотелось прикрыть глаза, заурчать как земной кот. Я готов был разбить в кровь и вторую руку тоже, только бы она продолжала поглаживать – сочувственно, нежно.

– Эльхар? – Дари ожидала ответа, а я совершенно потерялся в собственных ощущениях. Такое чувство я испытывал лишь от ласковых материнских ладоней. Казалось – весь мир у моих ног, жизнь – череда чудесных праздников, а будущее обещает бесконечные радости без малейших проблем.

Я все отчетливее начал понимать, как сильно влип. Увы! Не только телом моим завладела сэлфийка, но и мыслями, душой, эмоциями – всем существом. Просто так, одним взглядом янтарных глаз превратила бывалого охотника и воина в желе.

– Вам больно, Эльхар? – спросила Дари еще тише, и… убрала руку.

Я прикусил губу и не смог скрыть сожаления в голосе.

– Да нет, так, бытовой несчастный случай. Мебель… она такая. Вечно бросается, куда ни попадя. Мешается под ногами и руками.

Горечь мне скрыть удалось – Дари улыбнулась шутке и предложила.

– Обработать?

Я кивнул, и только потом дошло – рыжая колдунья не знает, где здесь аптечка. Вообще-то на вельтанцах все заживало моментально. Мы почти не болели и раны не обрабатывали. Разве что очень глубокие, рваные.

Но мысль о том, что Дари начнет заботиться обо мне, была слишком соблазнительной. И я не устоял. Указал пальцем на виртуальную панель на стене. Дари поднесла к ней руку и ахнула – в сторону отъехала крышка аптечки. Внутри, как и положено на любом транспортнике, выстроились баночки с дезинфектантами, вата, бинты, несколько заживляющих мазей для разных рас, обезболивающие и снотворное.

Дари ловко смочила вату дезинфектантом и приложила к моей руке. Ранки слегка обожгло, но в душе разливалась неуместная, глупая радость от мысли, что она заботится обо мне. Я понимал – это лишь материнский инстинкт, не более. Женщины всегда сочувствуют больным, раненым и детям. У них это в крови. Ничего рыжая колдунья ко мне не чувствует. Кроме, возможно, глубокого недоверия из-за всего, что случилось между нами несколькими часами раньше. Но глупое сердце забилось быстрее, улыбка растянула губы, как бы я не боролся с ней, и Дари удивленно посмотрела в лицо. Вот проклятье!

– У вас странная реакция на обработку, – повела она плечом и приложила ватку уверенней.

Я пожал плечами.

– Я военный. И ран у меня на теле гораздо больше, чем у некоторых рас – зубов.

Удивительно, но Дари понравилось мое солдафонское чувство юмора. Она залилась смехом. Я понимал – отчасти это истерика. Нервы рыжей колдуньи расслаблялись после потрясений, к которым я тоже имел отношение, хоть и небольшое. Но я все равно радовался. Она оживала, и все благодаря мне!

Дари вытерла слезы с глаз, выбросила ватку в ведро и вернулась на место.

– Я так понимаю, вы про меня уже прочли? Даже больше, чем успела начудить за длинную жизнь? – ее пытливый взгляд заставил меня потупиться, как нашкодившего мальчишку. Конечно! Дари не забыла мои подвиги в гримерке. С чего бы? Там я отличился по всем фронтам!

Пришлось глубоко вздохнуть, потому, что дышать резко стало трудно.

– Я понял свою ошибку. Простите меня, – сказал тихо и неуверенно поднял глаза. Я ожидал увидеть во взгляде Дари знакомое свирепое осуждение, раздражение, ярость. Но она вдруг улыбнулась, и жизнь вновь заиграла яркими красками.

– Ладно уж, я знаю, что про нас пишут! – отмахнулась рыжая колдунья и глотнула чая.

– Про нас пираты тоже пишут немало! Как-нибудь покажу особенно смачные перлы! Там даже по именам не забывают пройтись. Есть один капитан – Алмаз Цветков, землянин. Его любят называть Смарагд Душица. А парень говорит – да, я душица, потому что душу воров и бандитов каждый день. И буду это делать, пока в теле останутся силы, – воодушевился я. Расположение Дари, почти симпатия, интерес к охотничьим байкам, подняли такую бурю в душе, как ничто и никогда в моей безумной жизни. Даже близкая смерть так не будоражила, не играла на нервах. Я словно постоянно балансировал на тонком канате, рискуя свалиться в пропасть – заработать презрение рыжей колдуньи, гнев, неприятие. И всякий раз, когда получалось удержаться, выстоять, внутри разливалась безудержная эйфория. Когда хочется обнимать прохожих, целовать незнакомцев, угощать бедняков сытным ужином и принимать у себя в квартире бездомных.

Ты понимаешь, как это глупо, наивно, нелепо. Но ничего не можешь с собой поделать.

Я улыбнулся и накрыл руку Дари своей. Зачем и почему – в тот момент я вообще не думал. Захочет ли она, не возмутится ли… Не соображал ничего. Только безумно захотелось снова коснуться ее теплой ладони, нежной кожи, возобновить пусть мизерный, но контакт наших тел. Казалось, по телу прошел ток. Возбуждение нахлынуло с новой силой – внезапно, не ясно почему.

Пытаясь устроиться получше, чтобы штаны так сильно не жали, я поерзал на стуле, и быстро понял, что все бесполезно. Конфигурация моего тела слишком сильно изменилась, чтобы форма оставалась впору.

Дари посмотрела с прищуром, будто что-то заметила. Хотя нас разделял стол, и я намеренно сел поглубже. Сэльфийка осторожно вытащила руку из-под моей. Неприятно, словно в лицо плюнули. Я крепче стиснул челюсти, но Дари примирительно произнесла:

– С удовольствием почитаю. Пиратские перлы – это что-то. Один раз нашла сайт, где они рассказывали истории про охотников. По факту просто вываливали кучу грязи на тех, кто стоит между ними и честными гражданами. На единственную защиту компаний от грабежей этих… этих… – было видно, что она сдерживает крепкое слово. И не потому, что рядом я. Думаю, Дари отлично понимала – какие словечки позволяют себе мужчины, вояки, когда собираются вместе. Просто рыжей колдунье претило выражаться таким образом. И даже когда заковыристые ругательства просились наружу, она просто не могла себе этого позволить. Я снова глупо улыбнулся. Эта женщина завораживала, притягивала. Единственное, что мне не нравилось – ее нелюбовь к прикосновениям. Это ведь такая ничтожная обманка для моего организма, который так просил большего… Неужели ей неприятно? От этой мысли настроение резко упало. Что, если мои касания для Дари все равно что касания жабы? Или чего-то еще более мерзкого… И она терпит мое присутствие лишь ради спасения собственной жизни?

Мой вопрос прозвучал резко даже для меня самого:

– Почему ты выдернула руку?

И лишь после, глядя в пораженные глаза рыжей колдуньи, сообразил, что сморозил. С чего столь внезапная резкость посреди обычной, почти дружеской беседы?

Дари максимально отклонилась на стуле, будто уходила от удара, схватила кружку и осушила ее залпом, как бокал крепкого напитка.

Я заставил себя подняться, налить новую чашку чая, поставить рядом с рыжей колдуньей, и вернуться на место.

Дари следила за каждым моим движением, за каждым шагом так, словно ожидала подвоха. Проклятье! Снова я напугал ее!

Зубы неприятно скрипнули, спину и шею свело от напряжения, дышать получалось через раз.

Дари судорожно сжала пальцами чашку и осушила напиток почти одним глотком. Маленькая, встревоженная, тихая… Словно птенчик перед охотником…

Я раздумывал – встать и уйти или попытаться разрулить ситуацию. Объяснить, как чувствую себя при мысли, что неприятен ей, может, даже противен, я не мог. Но и оставить все как есть, тоже выглядело неправильным.

Дари поставила кружку на стол с глухим стуком и посмотрела внимательно, с прищуром, с недоверием.

– Просто ответить на вопрос, пожалуйста, – примирительно попросил я, и только потом смекнул, что внезапно перешел на «ты», без малейшего согласия с ее стороны.

Дари вздохнула и кивнула. Я замер. Сердце глухо забилось в груди. В ушах застучали молоточки. Даже в преддверии атаки противника, глядя, как в корабль неминуемо вонзается плазменный снаряд, я не ощущал себя настолько раздавленным и беспомощным.

То, что происходило со мной в присутствии Дари, совершенно выбивало из колеи. Никогда и ни с кем в жизни я не испытывал таких эмоций.

– Мы не слишком хорошо знакомы, – осторожно начала она. – Я просто не привыкла. У меня давно не было друзей, родных. Я не привыкла к близким контактам. А тебя я совсем не знаю…

Она попыталась улыбнуться, губы задрожали, в глазах блеснули слезы. И мне стало стыдно за свое «выступление». Черт! Почему рядом с ней я совершенно перестаю нормально соображать? Я ведь вменяемый, умный мужчина. Капитан! Я читал досье на Дари. Не грязные комментарии и намеки на то, чем занимаются танцовщицы сэлфийского театра – биографию рыжей колдуньи. Я знал, как давно она одинока, как мало общается с окружением. В «свет» Дари не выходила, вечеринки танцовщиц не посещала. Ее никогда не видели с мужчинами или подругами в кафе, ресторанах, барах, да просто в торговых центрах. За сэлфийскими танцовщицами многие наблюдали как за диковинными животными на воле. Следили – чем они питаются, с кем проводят время, куда летают на выходные. Я прекрасно знал, что Дари – затворница. И уже очень много лет. Но даже не подумал объяснить этим ее жест.

– Извини, – улыбнулся примирительно. – Мне это в голову не пришло. Постараюсь запомнить.

Дари вернула улыбку, вдруг осторожно провела рукой по моей, и я опять размяк, разве что не замурлыкал, как счастливый кот. Это начинало бесить, но одновременно не хотелось ничего менять.

Я мечтал остаться рядом с ней подольше, пусть даже так, не удовлетворяя желание. Но в то же время я понимал, что правильней будет бежать, бежать от этой женщины, которая заставляла ощущать себя так… Лишала власти над собственными эмоциями, телом, разумом, которой так гордился бравый капитан охотников.

И последним наступило прозрение… бежать уже поздно. Даже не видя ее, не ощущая рядом, я все равно не избавлюсь от Дари. Буду думать о ней ежеминутно, вспоминать, перебирать в голове каждую секунду нашего свидания.

То, как она чуть склоняла голову, когда задумывалась и то, как недоверчиво поджимала губы, когда совершал очередную глупость. То как обрабатывала мою рану и то, как поглаживала пальцами ладонь. Мне всегда будет мало этой женщины. Она так ничтожно мало давала, но так много отнимала, когда отворачивалась и лишала общения… Черт! Я влип…

Дари наблюдала за мной, будто читала мысли и произнесла, с убийственным цинизмом переходя на вы:

– Что ж… Думаю, мне лучше принять душ и отдохнуть. Думаю, и у вас найдутся дела перед вылетом. Это не потому, что вы мне неприятны, просто я очень устала. Хочу побыть одна. Да и случившееся… Мне нужно успокоиться.

В груди быстро заколотилось, на языке так и вертелись аргументы. Я хотел сказать, что не помешаю. Буду сидеть тут просто как кукла капитана Эльриха. Как статуя. Я собирался возразить, что выговориться, излить страхи и переживания – лучшее, что можно сделать после пережитого ужаса. А я – самый лучший слушатель, самый благодарный и неболтливый. И еще я способен часами молчаливо ждать, пока она примет ванну и приведет себя в порядок. Тем более, что вылетаем мы лишь ранним утром, автопилот уже запрограммирован, а команда готова. Но Дари выглядела такой растерянной, расстроенной моей властью над ней и настойчивостью, что слова так и застряли в глотке.

Вместо этого я лишь сказал:

– Если понадоблюсь, вызови биобота, он покажет – где вторая каюта капитана. Если что-то случится, зови немедленно. Не бойся, ты сейчас с нами. Никто не войдет на корабль без моего разрешения. Никто не уполномочен даже прикоснуться к тебе на транспортнике охотников. Пока ты здесь, ты в полной безопасности. Расследование продлится пару дней, может чуть больше. К нашему возвращению все будет хорошо. Я позабочусь обо всем, задействую связи. Отдыхай.

Глава 4. Дари

После общения с Элом, (так я мысленно начала называть Эльхара), у меня остались очень смешанные, непонятные впечатления. Мужчина вел себя непоследовательно, и это ужасно нервировало. Я чувствовала себя рядом с ним как на вулкане. Вот сейчас грозный подземный зверь лишь вздрагивает, ласково урчит, свернувшись у твоих ног, а через минуту может уничтожить все вокруг потоком раскаленной лавы.

Временами Эл казался спокойным, добродушным – шутил и травил охотничьи байки. Я отвлекалась от пережитого, забывала о тревогах. Но потом вельтанин внезапно напрягался, даже вены вздувались на шее, и тело охотника каменело. Речь Эла звучала резко, немелодично, порывисто, дыхание становилось рваным. Он будто перевозбуждался – мгновенно и сильно, а затем успокаивался и вновь становился обычным. Я не могла разгадать Эла, предсказать его реакцию на жест или слово, и начинала побаиваться необузданной, непредсказуемой натуры охотника.

И в то же время он очень мне нравился. Было в этом вельтанине что-то такое… Даже не знаю – по-настоящему мужественное. Иначе и не скажешь. Меня восхищало то, как буднично Эл обещал, что решит все проблемы, и при малейших трудностях нужно звать лично его, а не кого-нибудь из биоботов или подчиненных. Меня привлекали такие мужчины. Настолько сильные, уверенные, серьезные, что рядом с ними можно было просто расслабиться и ни о чем не беспокоиться.

Вспышка Эла в конце нашей беседы стала последней каплей. Я вдруг поняла, что ужасно устала от общения, что вельтанина на сегодня слишком много. Да, порой в животе становилось тепло и щекотно, и я поражалась этим утерянным в веках, давно забытым ощущениям. Но я все время была начеку. А после случившегося на это уходили все последние силы.

Когда Эл покинул каюту, я вновь испытала смешанные чувства. Исчезла приятная аура, что окружала меня в присутствии вельтанина. Пропало чувство безопасности, сильного плеча рядом. Но и нервозность ушла тоже.

Я с удовольствием смыла с себя пот и кровь эльталла, а вместе с ними и часть гадких воспоминаний.

На душе сразу полегчало. Словно вместе с водой ушли в канализацию и попытка насилия, и нападение вартанца, и неприятный разговор в гримерке. Вода всегда обновляла меня, оживляла и утешала.

Пожалуй, это было последним еще доступным удовольствием… Так я думала до сегодняшнего дня.

Я впала в странное оцепенение. Эмоции схлынули, остались лишь их отголоски. Я вся ушла в созерцание. Словно нет ничего важнее поверхностных впечатлений и сиюминутных желаний.

Я осушила очередную чашку чая и заглянула в контейнер на стене кухни – туда на транспортниках космотелепорта всегда поступала горячая еда.

Сочные ломтики жареного мяса, что-то похожее на запеченный картофель с зеленью выглядели вполне съедобно. Сытный запах блюда, круто замешанный на терпком аромате пряностей, напомнил о голоде.

Не вполне осознавая, что делаю, я прикончила порцию, убрала тарелки и приборы назад, в ящик и вернулась в спальню.

В гардеробе, конечно же, не нашлось ни единой вещи моего размера. Но длинные футболки и рубашки Эла вполне заменили мне свободные платья. Я нырнула в одну из них и забралась под одеяло. Не помню, как уснула, помню лишь, что когда открыла глаза, корабль уже летел к цели.

Громадное окно-экран транслировало планеты и звезды, что попадались на пути транспортника. Сейчас мы пролетали мимо какой-то далекой системы с семью планетами. Они напоминали идеальные коричневые шарики.

Я потянулась, встала, и жизнь показалась чуточку лучше. Было так странно не собираться рано утром в спортзал, чтобы позаниматься йогой, растяжкой, балетным станком.

Впрочем, тут наверняка есть спортзал, где я могла бы поддерживать форму. Ведь где-то же разминаются охотники? Рукопашный бой считался одной из сильных сторон полицейских. Большую часть времени команда проводила на корабле, и, значит, без места для тренировок обойтись не могла.

В ящике на кухне уже дымился сытный омлет с беконом. Мужской завтрак, но что поделаешь! Надо благодарить судьбу за то, что не хлебаю тюремную баланду или не корчусь в муках, отравленная семейкой убитого эльталла.

Я взяла тарелку с едой, заварила ромашкового чая и устроилась за рабочим столом Эла. Виртуальный монитор появился, едва я коснулась трехмерного изображения клавиатуры. Фантомные кнопки зажглись слабым синеватым светом.

Еще несколько десятков лет назад я ненавидела эти чудеса техники. Трехмерные изображения клавиатуры, хоть и работали как настоящие, пластиковые, но совершенно не чувствовались под пальцами. При касании кнопок ощущался лишь слабый импульс – едва заметное покалывание.

Теперь же технологии дошли до того, что барабаня по виртуальным клавишам, я чувствовала, будто работаю на настоящей, материальной клавиатуре. Разве что кнопки не западали. И еда за компьютером не угрожала сложной технике. Я могла засыпать хоть всю клавиатуру хлебными крошками, густо залить кофе, чаем, вином – трехмерная проекция продолжала работать как часы.

Сбылась мечта программистов – сидеть за экраном сутками, есть и пить, ничем не рискуя.

Я настроилась долго просматривать аристократов Эльталлы. На планете царствовало десять династий. Но при первом же клике по запросу «королевские семьи Эльталлы» выпала фотография убитого и длинный список его «подвигов».

Этого мужчину хорошо знали на родине и за ее пределами. Проводи я хоть немного времени на богемных тусовках и дискотеках вместе с остальными танцовщицами, сразу признала бы его.

Фальмис Лим Олл, первый принц династии, наследник трона, вел распутную жизнь и прославился на всю Галактику. Самое забавное, что у эльталлов это считалось почти подвигом. Если, конечно, они не вступали в серьезные отношения с безродными своей расы или инопланетницами. Покорение женских сердец по всей Галактике при идеальном иммунитете эльталлов стало почти спортом. Эта раса совсем не страдала от вирусных и бактериальных болячек. Ее поражали только генетические и системные недуги. Поэтому, распутничая с женщинами разных рас, эльталлы ничем не рисковали, кроме мужского самолюбия, если попадались дамы с норовом. Кажется, Фальмису почти не отказывали. Во всяком случае, о таком в галанете не писали. А уж там не преминули бы прихвастнуть, как дали знаменитому принцу от ворот поворот.

С минуту я оцепенело буравила экран взглядом, а затем эмоции будто включились – резко и почти болезненно. Сердце забарабанило в ушах нестройный ритм, ледяная волна прошла вдоль позвоночника.

Черт! Эл и правда спас мне жизнь! Арестованная возле обезглавленного тела Фальмиса, я едва ли протянула бы в тюрьме несколько часов. И умерла бы, скорее всего, в страшных мучениях от какого-нибудь медленно действующего яда. Их безумным многообразием эльталлы компенсировали собственный иммунитет ко всем известным бактериям и вирусам. По части отравлений древняя королева Екатерина Медичи была жалкой дилетанткой в сравнении с ними.

Яды эльталлов почти не определялись даже сверхсовременными методиками и устройствами. Излечить «пострадавшего» удавалось лишь в первый час после приема отравы. То есть почти никогда.

Я выпила две чашки ромашкового чая. И когда пульс слегка выровнялся, а голова прояснилась, решила, что должна поблагодарить Эла за избавление от страшной участи. Как бы ни вел себя вельтанин, лишь благодаря ему я проснулась сегодня утром.

Виртуальная кнопка вызова биобота обслуги традиционно мерцала на стене розово-лиловым. Я нажала ее, и спустя считанные минуты в дверях появился крупный, очень крепкий мужчина, почти не отличимый от настоящего гуманоида. Форма на биоботе конечно же была военная – черная, с кожаными вставками, как и у всех охотников.

– Вы что-то хотели? – пробасил он.

Я кивнула.

– Хотела бы попросить вас передать капитану Эльхару, что надеюсь на его визит, – церемонно ответила я.

Сегодня в Союзе как только не общались. На грязном сленге, достойном древних земных гопников, высокопарно, под стать королям 13 века, литературным языком и простым… Так инопланетники компенсировали полный переход на единое наречье. Каждая раса придавала ему свой, особенный колорит. Все

зависело от темперамента, культуры общения и многих других факторов.

Насколько я знала, на кораблях вроде этого, старались соблюдать этикет, чтобы разные народы чувствовали себя комфортно.

Биобот кивнул и вышел.

Я вернулась к компьютеру и некоторое время бездумно листала фотографии Эла. Он хорошо получался на трехмерных снимках, этот вельтанин. Как ни удивительно, чаще всего капитан фотографировался не с женщинами, как два его помощника и многие другие полицейские. Гораздо больше трехмерных снимков демонстрировали Эла с друзьями, соратниками и пойманными преступниками.

Не знаю, почему, но меня это порадовало. А когда подняла глаза, вдруг увидела, что Эл застыл неподалеку и улыбается, почти даже не криво.

Удушливый стыд накрыл с головой, щеки запылали, уши тоже. Он – что, наблюдал, как я разглядываю его фотографии?

Эл приветственно кивнул и очень мягко спросил:

– Ну и как я тебе на снимках? Лучше, чем в жизни? Особенно, когда хамлю и вламываюсь с непристойностями?

Его ироничная реплика моментально сняла напряжение, зависшее между нами. Я расслабилась, хихикнула и пожала плечами.

– На некоторых снимках ты очень даже ничего.

Теперь я увидела все тридцать зубов вельтанина – так широко и довольно он улыбнулся.

– Ты прекрасна на всех снимках и в жизни. А в танце – богиня, – произнес с придыханием, вдруг наклонился, оперся руками на стол и быстро спросил: – Ты звала по делу или просто пообщаться? – он зачем-то пригладил идеально собранные в косу волосы и замер. Пытливый фиалковый взгляд уперся в мое

лицо.

Стало трудно дышать, но я все-таки собралась и ответила:

– Хотела поблагодарить за спасение. Поняла, что убила знаменитого принца-волокиту…

– Не за что, – Эл кивнул так, словно отдавал честь. – Рад быть полезным. В любом виде и форме. Ты хотела что-то еще?

Мне почудилось, или в его голосе прозвучала надежда? Я вопросительно подняла брови и Эл пояснил:

– Пока мы идем по курсу. До места назначения сутки пути. Я буду счастлив скоротать их с тобой. Если, конечно, у тебя нет других планов. Или более приятной компании, – он кивнул на компьютер, и я невольно усмехнулась.

– Эмм… У вас есть спортзал?

Мой вопрос удивил Эла. Он выпрямился и уточнил:

– Спортзал?

Я мягко улыбнулась, развела руками. В животе потеплело, стало щекотно. Кажется, порхали пресловутые бабочки, воспетые романистами.

– Я танцовщица, Эльхар. И должна тренироваться. Растягиваться, работать над мышцами, репетировать.

Он закивал так яростно, что у меня давно бы свело шею.

– Совсем забыл. Прости, – произнес извиняющимся тоном. – Тогда давай я подберу тебе что-нибудь переодеться и покажу – где тут и что. Я заказал для тебя гардероб. Но он прибудет в шкаф-телепорт только во второй половине дня. Пока придется довольствоваться моими вещами…

Он усмехнулся, окидывая меня взглядом. Футболка Эла сидела на мне как платье, эластичное трико пришлось четырежды подогнуть.

– Спасибо за все, – от души поблагодарила я.

Эл замер, не сводя с меня взгляда, губы его стали ярче, щеки залил румянец. Вельтанин немного помялся и выдохнул:

– Я же сказал. Очень рад быть полезным в любом деле и в любом случае. Без исключений.

Почему-то от этих слов на душе сразу стало легче, сердце радостно забилось. Только сейчас я поняла, как же соскучилась по чьей-то заботе, устала вытаскивать себя за волосы из неприятностей, как Барон Мюнхаузен. Вспомнила, как же здорово, когда кто-то берет твои проблемы на себя. Просто так, ничего не прося взамен.

Эл улыбнулся совсем ласково и неловко засунул руки в карманы, словно прятал их, чтобы не сделать чего-то лишнего.

– Ну, так что? Я подберу тебе одежду? – спустя несколько секунд уточнил он.

Я кивнула. Эл постоял еще немного, не сводя с меня пытливого взгляда, но затем резко двинулся к шкафу.

Вдруг стало жутко интересно – что же такое «подберет» мне вельтанин. Он копался недолго. Вскоре на стол легла белая футболка стрейтч и такие же брюки. Великанские размеры вещей немного компенсировались их эластичностью.

Эл кивнул на одежду.

– Устраивает?

– У меня нет выбора, – пожала я плечами. – Когда убивала эльталла, не подумала, что следует вначале собрать чемодан.

Внезапно перед глазами встало лицо насильника, его приоткрытые губы, и тот самый орган, которым он почти воспользовался. Меня передернуло, пульс взвился до небес, в ушах застучали молоточки. Эл быстро подошел, опустился на корточки у моих ног и мягко произнес:

– Забудь эту сволочь! Ты правильно сделала, что убила его до моего прихода. Я бы его на куски порвал!

Фиалковые глаза Эла полыхнули яростным пламенем, губы сжались в жесткую линию, ногти царапнули брюки.

Я до боли прикусила губу, потому что образ насильника никак не желал стираться. Маячил перед внутренним взором, вызывая один приступ ярости и тошноты за другим. Он ведь почти коснулся меня… Брр… Меня передернуло снова – сильнее прежнего.

Эл скрипнул зубами, тихо выругался и вдруг взял мои руки своими. Горячие ладони охотника согрели холодные пальцы, тепло заструилось выше, словно наш контакт шел не от кожи к кожи – от сердца к сердцу.

– Я очень хотел бы изменить то, что случилось, – почти прошептал вельтанин. – Поверь, многое бы отдал…

Я поймала его взгляд, и неприятные эмоции схлынули, ушли, как вода в песок. Даже сердце вернулось к привычному ритму. Эл натянуто улыбнулся – почти неестественно, нарочито.

– Прости, что опоздал, – выдавил через силу.

На лице вельтанина мелькнула бессильная злоба и… чувство вины. Так странно… Он ведь совсем не причем. Не имел никакого отношения к той мрази, что хотела надо мной надругаться. Я постаралась улыбнуться, но губы онемели, не желали растягиваться.

Эл немного расслабился.

– Не сердишься за то, что опоздал?

– Ты ведь не знал, – покачала я головой.

Но Эл горячо возразил:

– Я чувствовал неладное! Просто недостаточно быстро ехал, – он вдруг осекся, прикусил губу и отвел взгляд. Будто хотел что-то добавить, но вовремя понял, что не стоит. Я застыла, гадая – что же именно. Желваки Эла заходили ходуном, тело окаменело, на шее лентами вздулись мускулы, проступила плотная сетка вен. Я бездумно мазнула взглядом по монитору компьютера. Среди выделенных сообщений про охотников и вельтан значилось: «Влюбляясь, мужчины этой расы чувствуют своих женщин на расстоянии. Между ними словно образуется незримая связь, прервать которую может лишь смерть»…

Там было написано что-то еще, но чтобы прочесть, пришлось бы пройти по ссылке, а Эл уже проследил за направлением моего взгляда. Подбородок его выпятился, взгляд впился в мое лицо так, что я почувствовала его кожей. Как нечто осязаемое.

– Прочла? – глухо спросил вельтанин.

Я робко кивнула. Его пальцы сжали мою ладонь – горячие и немного влажные. Эл прищурился и рубанул:

– И что ты об этом думаешь?

Я застыла, боясь ответить и не решаясь промолчать. Вельтанин не двигался тоже – следил за моим лицом, за каждым движением и ждал. В каюте повисло тягостное молчание. Глухо и неровно забилось в груди сердце, к лицу и ушам приливал нестерпимый жар. Я чувствовала, что Эл хочет ответа, но дать его не могла. Я сама еще не понимала, как отношусь к прочтенному и что испытываю к вельтанину. Слишком мало мы общались, слишком недавно познакомились, чтобы рассуждать о таком.

Несколько тягостных мгновений в каюте царила глухая тишина. Эл напоминал статую воина, а я не представляла, что предпринять. И когда сердце пропустило удар, во рту пересохло, вельтанин испустил тяжкий вздох и разрядил обстановку.

– Извини. Вопрос был глупым. Пойдем, мы собирались в спортзал.

Он поднялся, отступил к стене, прислонился к ней так, словно не верил собственным ногам, и молча наблюдал, как я раскладываю вещи на спинке дивана. Зачем я это делала? Не знаю. Наверное просто чтобы немного перевести дух, потянуть время. Напряжение в воздухе, казалось, можно пощупать руками. Я закончила, расправила ткань в последний раз и засеменила к двери, опасливо косясь на Эла. Тот крутанулся на пятках и стремительно покинул каюту. Судя по сгорбленной спине вельтанина, он надеялся на нечто большее, чем несколько минут неловкой тишины. Я мысленно поблагодарила Эла за то, что не стал настаивать, дожимать, требовать немедленного ответа. Но сказать это вслух не решилась. Просто побоялась снова возвращаться к скользкой теме.

Мы вышли в просторный серо-голубой коридор и двинулись к хвосту корабля. Там чаще всего располагались медицинские отсеки. Но, видимо, физическую форму охотники считали равноценной здоровью. Я где-то читала, что полицейские транспортники оснащали лучшим медицинским оборудованием. Здесь разве что конечности и органы не выращивали. Да и то, если верить серьезным галанет-изданиям, планировали начать в ближайшее время.

Вскоре нам стали попадаться биоботы обслуги и команда корабля. Все до единого, даже полумашины, косились на меня с удивлением, но помалкивали. Слишком любопытные взгляды Эл пресекал на корню – смотрел так, что я боялась внезапного возгорания.

Судя по тем, кого мы встретили, экипаж состоял в основном из вельтан, вартанцев и малкуртов. Не удивительно. Существа этих рас считались лучшими воинами Галактики. Об их силе, выносливости и регенерации ходили легенды. Вельтане к тому же редко гнались за «длинным рублем». Прослыли на все государство неподкупными, беспощадными к грабителям, какие бы фантастические отступные те не предлагали.

Малкурты дрались как звери и силой превосходили почти все известные расы. Вблизи они напоминали медведей с человеческими лицами и обязательно желто-зелеными глазами. И, пожалуй, единственные, казались мне добрыми здоровяками. Ни один малкурт ни разу не приставал к сэлфийкам после представления. Если мохнатые инопланетники и встречали нас у театра, то лишь затем, чтобы подарить цветы, фрукты, выразить искреннее восхищение. Я всегда поражалась – насколько внешность обманчива. Дикие на вид

инопланетники часто вели себя намного галантней, уважительней тех, что имели внешность настоящих сказочных принцев.

Помимо упомянутых рас нам по дороге попался один мус – теплокровный ящер с фиолетовой чешуей повсюду, кроме лица и ладоней и… три человека. Я вдруг испытала странное, почти ностальгическое ощущение… Боже! Как давно я не видела людей так близко! Ни в театральном зале, ни в окне гримерки… В паре шагов…

Я проводила внимательными взглядами белокурого мужчину, похожего на славянина, жгучего брюнета арабских или даже африканских кровей и долговязого шатена с греческим профилем.

Эл проследил за мной и очень странно отреагировал – кулаки вельтанина сжались до побелевших костяшек, желваки заходили ходуном.

Я ожидала, что он хоть как-то объяснится, но капитан сглотнул и промолчал.

Каждый встречный, конечно же, отдавал Элу честь.

Мы отмотали приличное расстояние.

Я примерно представляла размеры полицейского транспортника – он был намного больше пассажирского, но двигался не в пример быстрее. И все благодаря особым силовым полям. Кораблям больше не требовалось ни топливо, ни электричество. Только аккумулятор, что испускал мощное силовое поле. Правда, он постепенно иссякал и требовал замены. Обычно лет через тридцать-сорок. Но поговаривали, что полицейские транспортники, благодаря погоням и стрельбе из плазменных пушек «опустошали» аккумуляторы вдвое быстрее.

Спортзал был виден издалека. Громадная зеленая дверь с вывеской не оставляла сомнений. Вельтанин стремительно вырвался вперед, распахнул ее, я вошла и ахнула.

Здесь было все для занятий физкультурой, спортом, единоборствами.

Тренажеры всех видов и форм, груши для битья, пластиковые манекены для стрельбы, маты, гантели… Глаза разбегались. Спортзал заливал густой белесый свет. Не слишком яркий, приятный глазу он бодрил, настраивал на занятия. В воздухе пахло огуречной свежестью и цитрусовыми – новомодные отдушки вбирали запахи пота, источали приятые ароматы.

Размеры помещения позволяли поставить тут небольшой пассажирский транспортник или даже два.

– Нравится? – с гордостью спросил Эл. – Лучше позанимайся сейчас. Потому что к вечеру подтянется команда. Надо размяться перед завтрашней стычкой. Ничего особенного, мы их легко сделаем.

Вельтанин задорно подмигнул и улыбнулся совсем по-мальчишески, пожалуй, даже по-хулигански.

Стало ясно – Эл любит свою работу. Ему по душе выслеживать мерзавцев, ловить их и жестоко карать за преступления. Мне такой подход нравился тоже.

– Вы самые настоящие герои! – вырвалось помимо воли.

Эл уперся в лицо внимательным взглядом и словно оцепенел. Пару минут он только смотрел, не смаргивал и не сглатывал, будто не знал – как отреагировать на похвалу. А потом улыбнулся – почти смущенно. Вот уж никак не ожидала, что эта гора мышц способна тушеваться.

– Делаем, что можем, чтобы честные граждане зарабатывали своим трудом. А нечестные платили за воровство так, чтобы другим не повадно!

Пожалуй, я бы даже записала его реплику в свою «копилку» любимых цитат. Жаль, кольцо-компьютер осталось дома. Эльталл стащил его с меня, когда пытался изнасиловать, и отшвырнул в соседнюю комнату. Наверное, боялся, что вызову полицию. Кольца-компьютеры оповещали МЧС с одного нажатия нужной виртуальной клавиши. Служба определяла, откуда звонили, и на место немедленно выезжали скорая, полиция и спасатели.

С минуту мы с Элом просто смотрели друг на друга. У меня сладко сосало под ложечкой, в животе стало тепло и щекотно. Вельтанин немного напрягся, разрумянился, переступил с ноги на ногу.

– Ну, так что? Будешь заниматься одна? То есть… Могу я остаться? – нерешительно уточнил он.

Вот это да! Еще недавно казалось – этот мужчина вообще не умеет сомневаться. Захотел – ушел, захотел – остался. Даже в моей гримерке он выглядел именно так. Что уж говорить про корабль, где Эл капитан, а по факту почти царь и бог.

Я пожала плечами.

– Можешь остаться. Мне не привыкать работать на публику.

Вельтанин просиял улыбкой и устроился по-турецки на мате.

Я подошла к шведской стенке. Балетным станком спортзал для охотников, естесственно, не снабдили. Но этот древний спортивный снаряд отлично заменял и станок и перекладину.

Я разминалась, а Эл, наблюдал не мигая и не шевелясь, с таким выражением лица, будто я не тренируюсь, а летаю как сказочная фея.

Его взгляд следил за каждым жестом, поднимаясь до кончиков пальцев и опускаясь к носкам. Хорошо, что пуанты давно упразднили, мысленно порадовалась я. Представляю, как выглядели бы мои ноги, танцуй я балет тысячелетье назад. С тех пор пуанты ушли из обихода. Я не очень поняла – почему же именно. Только вначале они исчезли со столичных подмостков, затем – с провинциальных, даже на самых захолустных планетках, а потом и вовсе пропали.

Теперь танцевали чаще всего в чешках из специальной ткани, почти не отличимой от кожи. Или босиком, с радостью демонстрируя гордость каждой танцовщицы – высокий подъем и маленькую ножку.

Пачки тоже канули в Лету, и вот об этом я очень жалела. Балерины в них выглядели настоящими ангелами, лебедями, принцессами.

Теперь же ценились костюмы, что почти не скрывали, как двигаются мышцы во время танца. Зритель больше не мечтал, чтобы его обманули, заворожили, заставили на час или чуть больше поверить в чудо. Он стремился оценить, как все это делается. Как напрягаются мышцы, как натягиваются жилы, как проступают под кожей вены. Я не особенно понимала – в чем же смысл. Балет и танец околдовывали меня именно обманом зрения. Когда невыносимо тяжелый труд казался легким, гравитация отступала, и чудилось – эти существа на сцене не смертные вовсе – настоящие чародеи.

Наверное, я просто устарела, также как пачки.

После станка, я принялась за обычную растяжку. Мостик, шпагат, канат, несколько последовательных мостиков, еще один шпагат, канат и пять минут на полу, на животе, не вставая с каната.

Эл следил за мной как мальчик за Снегурочкой на детской Елке. Давно я не встречала такую восторженную и благодарную публику. Ради него одного хотелось станцевать что-нибудь сказочное.

"Тело никогда не лжет!". Я раскинула руки. Потянулась дикой кошкой. Вокруг зашумел тропический лес. Из него, ломая папоротник, вышел бронтозавр, мощный и дикий. Я вскочила на него и пустила вскачь. Встала в вертикальный шпагат. Подтянула ногу к голове, держась за поводья, плавно выгнулась, становясь на руки. Вокруг кружились гигантские стрекозы… Сотни лет я запрещала себе вспоминать, что такое танец – все, что я прятала в себе и от себя, вдруг хлынуло, сметая барьеры. Тело звенело силой, душа пела без музыки…

Эл задышал так громко, натужно, что я невольно посмотрела на мужчину.

Вельтанин согнул ноги в коленях и обхватил их руками. Глаза его горели, как тогда, в гримерке, рот слегка приоткрылся. Но почему-то даже отсылка к тому моменту не испортила мне настроение.

Я поймала стрекозу, встала на одну ногу, другую подняла в шпагате, и поставила насекомое на самый носок. Так, не двигаясь, будто статуя, я проехала на бронтозавре метра два. Затем перестала питать иллюзию энергией и спрыгнула вниз, потому что доисторический монстр растворился в воздухе, а следом за ним – и громадное насекомое.

Эл не двигался, только шумно дышал, не сводя с меня горящего взгляда. Я улыбнулась, подошла к вельтанину и присела рядом. Он отпустил одну ногу и, обняв другую, развернулся ко мне.

– Я никогда такого не видел… – воскликнул Эл. – Ты хоть знаешь, как возбуждаешь?

Я кивнула и не сдержала довольную улыбку.

– Ради этого меня в труппу и наняли. Мы должны восхищать, будоражить и возбуждать. Так сообщает Цван Оу в день заключения контракта. И мы стараемся исправно выполнять свои обязанности. Цван записывает все, что творится на сцене и в зале, а затем внимательно просматривает – кадр за кадром. Изучает – на каких танцовщиц больший спрос. Если кого-то мало замечают, увольняет. Заменяет похожими на тех, которыми особенно восторгается публика.

Эл вдруг придвинулся, протянул руку, коснулся лица, волос, а потом отпрянул так, словно обжегся.

– Тебе удается восхищать и возбуждать тоже, – хриплым голосом выдавил он. – Более чем. Сейчас мне не помешал бы ледяной душ. Лучше ванна.

Он рассмеялся, я тоже.

– Ладно, давай провожу в каюту. Примешь душ, переоденешься, и сходим пообедать. А потом еще чем-нибудь тебя развлеку, – предложил вельтанин, ловко вскочил на ноги и протянул руку.

Я инстинктивно подала ладонь. Эл дернул меня на себя, и на долю секунды наши тела прижались друг к другу. Вельтанин вздрогнул, как от удара током. И

я поняла, что завелся он и впрямь не на шутку. Судя по тому, что упиралось мне в живот, Элу представление понравилось даже больше, чем хотелось бы.

Я испугалась, что он начнет приставать, склонять к сексу. В конце концов – я на корабле охотников, в полной его власти. А если заартачусь, что мешает вельтанину просто сдать бесплатную пассажирку властям? Отправить назад на первом же попутном полицейском транспортнике?

Но не успела я окончательно расстроиться, как Эл осторожно отодвинул меня и криво улыбнулся. Будто говорил – ну я же предупреждал – и двинулся к выходу.

Я думала, мы направляемся в мое временное жилище. Но вместо этого Эл остановился через отсек и жестом пригласил в странную прямоугольную каюту без мебели. На первый взгляд стены казались совершенно гладкими. Эл со знанием дела подошел к одной, нажал ладонью и… навстречу ему выехал огромный ящик. Туда с легкостью влезли бы две, может, даже три сэлфийские танцовщицы.

Я не смогла разглядеть содержимое ящика. Для этого пришлось бы забраться на стул, а то и вовсе – на стремянку. Но вельтанин расплылся в довольной улыбке и извлек на свет целую стопку одежды. Моего размера!

– Я думал, доставят только к вечеру. Но нам повезло. Срочный заказ в кои-то веки выполнили срочно, – И довольный Эл вручил мне вещи.

Качественный хлопок было приятно даже просто подержать в руках. Я осмотрела стопку. В основном мне предлагались лосины и блузки. К ним прилагалась пара юбок и белье, упакованное в полупрозрачную пластиковую коробку. Шесть наборов трусиков и бюстгальтеров. Дорогие, но не вызывающие, насколько я смогла оценить.

Вельтанин запустил руку в ящик снова и будто волшебник извлек огромную коробку – на сей раз черную, матовую. Приоткрыл крышку, и я ахнула.

Аккуратно сложенные в ряд кроссовки, кеды, туфли с каблуком и на плоской подошве и даже сапожки впечатляли.

– Настоящая кожа, – кивнул Эл на обновки. – Заказывал только такую.

Некоторое время я просто смотрела на него. Хотелось подбежать, обнять, чмокнуть в щеку. Но что-то меня останавливало. Наверное, наши недавние объятия в спортзале и то, как они подействовали на вельтанина. Не хотелось дразнить его, возбуждать понапрасну. Уж я-то знала, какое бешеное либидо у мужчин этой расы. Да и Эл четко дал понять, как реагирует на мою близость его тело.

Я немного помялась, смущенно улыбаясь, комкая одежду в руках, и вельтанин, похоже, о чем-то догадался.

Закрыл коробку, поставил на пол, в шаг преодолел расстояние между нами, наклонился и подставил щеку.

Я приподнялась на цыпочках, неловко чмокнула его и прошептала:

– Спасибо за заботу. Обо мне так давно никто не заботился…

Тяжкий вздох вырвался сам собой. Я прижала одежду к груди, словно она могла вытеснить это ужасное ощущение глухой пустоты и бесприютного одиночества.

Эл вдруг поднял меня на руки и крепко прижал.

– Не бойся. Пока ты со мной, о тебе есть кому позаботиться. Просто расслабься и наслаждайся, – сказал очень спокойно, как о чем-то совершенно естественном.

И я сомлела в горячих руках Эла, на его пышущей жаром груди. Боже! Какие у него чувственные губы… подумалось неожиданно. Яркие, чуть припухшие, жестко очерченные… по-мужски сексуальные… Подбородок – волевой, но не слишком массивный. Высокий умный лоб…

Не знаю, что нашло на меня, только я глаз не могла оторвать от лица вельтанина.

Эл криво улыбнулся и прочистил горло:

– А вот так на меня смотреть не советую. Я тоже не железный. Скажу прямо – держусь из последних сил. И я не шучу.

Он осторожно поставил меня на ноги, взял коробку и махнул ей в сторону двери.

– Пойдем. Донесу вещи до твоей каюты. Я заказал нам обед – жареную рыбу и картошку. Нашел в галанете, что ты очень любишь камбалу, семгу и картошку со специями. Вельтанам такое тоже можно.

Он обронил это походя, уже на пороге, а у меня тепло разлилось в животе. Надо же! Эл подумал даже об этом! Узнал – какие блюда мне нравятся! Я все больше убеждалась, что первое впечатление о вельтанине было обманчивым. Природа действительно наделила его расу очень сильным либидо. Как и еще некоторых инопланетников. Другие заводились слабее землян, но реагировали на особенный запах и энергетику сэлфиек. Пора привыкнуть, что мужчины порой кидаются не потому, что последние сволочи, а лишь из-за особенностей своих рас.

Эл оглянулся, будто ощутил изменение моего настроения. Притормозил, мы поравнялись и зашагали в ногу.

– О чем задумалась? – спросил вельтанин, вглядываясь в мое лицо.

– Да так просто, – отмахнулась я. Касаться скользкой темы снова не хотелось.

Мне все больше нравился Эл. Но не настолько, чтобы отдаться ему после двухдневного знакомства. Очень шапочного, к тому же. Дразнить вельтанина лишний раз тоже выглядело неправильным и немного нечестным. Я ведь отлично знала – эти инопланетники заводятся даже от разговоров о сексе. Поэтому и предпочла сменить тему.

– Значит до вечера мы в пути, а ночью атакуем мерзавцев и зададим им жару?

Лицо Эла изменилось. Улыбка стала недоброй, глаза яростно сверкнули, но мне даже понравилось. То, как он воспринимал пиратов, вызывало еще большую симпатию. Эл работал не ради денег, почестей или власти. Хотя охотники считались полицейской элитой, имели множество привилегий, отличную

зарплату. Вельтанин делал то, что считал правильным, важным и нужным. Защищал граждан Союза от воров и бандитов, которых каждый из честных существ мечтал видеть за решеткой. Меня искренне восхищала работа Эла и то, как он относился к ней.

– Ночью мы их атакуем. Скорее всего, придется идти на захват пиратского транспортника. Не бойся. Корабль окружит особенный силовой купол, искажающее поле. Никто не увидит нас. Последние изобретения ученых пиратам и не снились. Они не подозревают, что теперь транспортники охотников нельзя засечь даже при помощи сверхновой аппаратуры. Власти Союза не афишировали ноу-хау. Мы сделаем им сюрприз!

Вот теперь на лице Эла появилась уже не улыбка – оскал. Но мне снова понравилось.

– Я буду болеть за вас. Если потребуется парочка динозавров для острастки противника и эффекта внезапности, только скажите. Правда, предупреждаю сразу – материальные иллюзии живут не больше часа. Потом просто превращаются в чистую энергию.

– Да ты маленькая воительница! – восхищенно выпалил Эл. – Соглашусь. Но при одном условии. Ты близко не должна подходить к месту стыковки с пиратским транспортником.

Я кивнула, понимая, что ночью спать уже не смогу. Буду ждать от Эла вестей. Я не сомневалась в победе охотников, но избавиться от тревоги не получалось. И чем больше думала о предстоящей схватке, тем все сильнее волновалась за отважного капитана и его команду. Сердце отчаянно билось, дурное предчувствие давило на грудь… Я гнала его, убеждала себя, что охотники не раз и не два участвовали в таких операциях, корабль оснащен по последнему слову науки и техники. Да и Эл не похож на мужчину, что хвастает понапрасну, просто чтобы произвести впечатление, пустить пыль в глаза. Но… нехорошие мысли и ощущения уходить не спешили, нарастали и не давали покоя…

Мы проследовали к моей каюте, как и в прошлый раз, пересекаясь в коридоре с полицейскими из команды Эла. Одни косились с интересом, другие делали вид, что не заметили, третьи удивленно оглядывались – узнавали вчерашнюю танцовщицу. Вельтанин осаживал всех одним лишь убийственным взглядом.

Даже огроподобные вартанцы – свирепые варвары с манерами неандертальцев, мгновенно отводили глаза.

Эл дал мне спокойно принять душ, переодеться в обновки, а сам ожидал на кухне.

Обед и впрямь удался на славу. Рыба таяла во рту, картошка тоже. Ароматный мятный чай успокаивал и расслаблял.

К вечеру мы общались с Элом как давние знакомые, пожалуй, даже как друзья. Охотник многое узнал обо мне из галанета. Впрочем, как и я о нем. Но обсуждать то, что утратила в веках, не хотелось.

Вельтанин оказался вдвое младше меня, но тоже не стремился возвращать призраки прошлого. Единственное, что не роднило нас – у Эла была большая и дружная семья. Родители, двое старших братьев, сестра.

Не удивительно. Сэлфы рождались в семьях людей и быстро переживали родных и близких. Вельтане жили веками.

Их дети учились почти до пятидесяти лет. Медленно, без бешеной спешки, десятков уроков в день, как у землян. Юные вельтане сдавали не больше одного экзамена в год. И в каждом ребенке учителя стремились найти природные склонности, развить их по максимуму. Возможно, поэтому инопланетники добивались гораздо большего на галактических предприятиях и в полиции.

Эл вел себя как истинный джентльмен. Не приставал, не намекал на секс и держался на небольшом расстоянии. Единственное, что он позволял себе – брать меня за руку, гладить пальцы или просто накрывать ладони своими. И мне больше не хотелось выдернуть руку. Касания вельтанина воспринимались все более естественно. Казалось, когда наши ладони порознь, чего-то не хватает.

Мы многое обсудили. Работу, близких, дом, культуру родных планет, историю каждого. Поужинали моей любимой творожной запеканкой с изюмом, и вельтанин засобирался. Я видела, что Эл предпочел бы остаться. Он мялся возле двери, что-то спрашивал, долго желал спокойной ночи, просил, чтобы при любых проблемах и трудностях, звала, не стесняясь. Мне тоже страшно не хотелось отпускать вельтанина. Но почему-то казалось – так надо. Должен же он

настроиться на схватку с пиратами!

Эл покинул каюту, а я вернулась к компьютеру. В сон не клонило, даже дрема не тяжелила веки. Все внутри меня замерло в ожидании, когда закончится бой, и охотник вернется невредимым. Только после этого я могла спокойно лечь и сомкнуть глаза.

Тревога вернулась с новой силой. С каждой минутой спазм все сильнее стягивал горло, сердце бешено колотилось, молоточки стучали в ушах. Даже обстановка в каюте, еще недавно такая уютная, милая, вдруг зазвенела напряжением.

Тишина давила неизвестностью, быстрые смены картинок на виртуальном экране нервировали, яркие цвета будто нарочно били по глазам.

За окном-экраном распростерся космос – черный-черный, как сажа, мрачный и неприветливый. Казалось, мир накрыла вечная ночь, и я потерялась в пространстве и времени. Ищу Эла, а он где-то там, далекий и недоступный…

Глава 5. Эл

Я совершенно потерял счет времени. Впервые в жизни простое общение с женщиной доставляло больше удовольствия, чем секс. Хотя… что-то подсказывало – секс с Дари был бы невероятным. Она выглядела сильной и хрупкой, нежной и отважной. Таких я еще не встречал.

Я поневоле запоминал мельчайшие детали облика, движения, привычки рыжей колдуньи. Не нарочно, просто иначе не получалось.

Когда задумывалась, она немного опускала голову, идеально прямая спина, как и полагается танцовщице, расслаблялась, а пальцы начинали постукивать по столу. Едва слышно, неторопливо, ритмично. Когда что-то волновало Дари, она вскидывала голову и, напротив, вытягивалась струной. Разводила лопатки и смотрела внимательно, с легким прищуром. Когда смущалась, трогательно роняла взгляд и теребила прическу.

Я заметил несколько крохотных родинок на лбу рыжей колдуньи и одну прямо посередине запястья, словно причудливый браслет. Одно ухо у нее было проколото шесть раз, другое – только один и в каждой дырке словно капельки росы поблескивали крошечные прозрачные камушки.

Дари почти не красилась, что в наше время считалось огромной редкостью. Чудеса косметики помогали женщинам сделать то, на что не способна ни одна новейшая методика омоложения или улучшения внешности. Незаметно скорректировать недостатки. Дари будто гордилась тем, что губы ее немного ассиметричные, а на лбу и щеке пара шрамов, вероятно, от древней человеческой ветрянки или чего-то похожего. Она давно могла свести их, но не захотела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sapfir_yasmina/tancovschica-dlya-zvezdnogo-ohotnika

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити